РОВЕСНИК

ISSN 0131—5994

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

№ 5/84 Май

1947
ПРАГА

1949
БУДАПЕШТ

1951
БЕРЛИН

1953
БУХАРЕСТ

ПРИЗЫВ

Международного подготовительного комитета XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов

Молодежь и студенты мира!

Мы, участники первого заседания Международного подготовительного комитета XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов, приветствуем предложение Ленинского комсомола и принимаем решение провести фестиваль в Москве летом 1985 года под лозунгом **«ЗА АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКУЮ СОЛИДАРНОСТЬ, МИР И ДРУЖБУ!».**

Мы призываем молодежь и студентов активно включиться в его подготовку на основе успешных результатов Гаванского фестиваля и лучших традиций всего фестивального движения.

Сегодня, когда реакционные и милитаристские круги подталкивают человечество к пропасти ядерной катастрофы, молодежь и студенты планеты решительно требуют прекратить безумную гонку вооружений, развертывание на Европейском континенте и в других частях мира ракетно-ядерного оружия. Мы выступаем за отказ от применения, за запрещение и полную ликвидацию ядерного оружия, против разработки еще более чудовищных видов оружия массового уничтожения, за всеобщее и полное разоружение. Молодое поколение требует прекратить безрассудное растрачивание материальных и человеческих ресурсов, поглощаемых гонкой вооружений, и использовать их для решения таких глобальных проблем человечества, как голод, нищета, неграмотность.

XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов состоится в год 40-летия Победы над фашизмом. Он созывается в стране, народ которой внес выдающийся вклад в разгром гитлеровского фашизма и японского милитаризма. Уроки минувшей войны не должны быть забыты. Миллионы и миллионы антифашистов в разных странах отдали жизнь во имя победы, во имя нашего будущего. И мы призваны сделать все для того, чтобы остановить силы милитаризма и агрессии. Против войны надо бороться, пока она не началась!

Молодому поколению ненавистны политика агрессии и насилия, колониализм и неоколониализм, расизм, фашизм, сионизм и апартеид, все формы угнетения и эксплуатации. XII Всемирный станет мощной демонстрацией антиимпериалистической солидарности со справедливой борьбой народов Центральной и Латинской Америки, Карибского бассейна, Азии, Африки, Средиземноморья и Ближнего Востока за мир, свободу, национальное освобождение, независимость и суверенитет, социальный прогресс. Фестиваль также даст возможность обсудить участие молодежи в решении проблем развития, охраны окружающей среды и установления нового международного экономического порядка.

Мы уверены, что XII фестиваль продемонстрирует приверженность молодежи и студентов духу и букве Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, десятилетие которого будет отмечаться в 1985 году.

Подготовка и проведение фестиваля станут важным вкладом в реализацию задач Международного года молодежи, провозглашенного Организацией Объединенных Наций. Цели года молодежи близки нам, они находят отражение в фестивальном движении, всегда выступавшем за обеспечение политических и социально-экономических прав молодого поколения, включая право на труд, получение образования, медицинского обслуживания, доступ к культурным ценностям и спорту.

Мы призываем молодежь и студентов всех стран, молодежные, студенческие, детские и юношеские политические, религиозные, профсоюзные и культурные организации из всех уголков планеты развернуть активную подготовку к XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов, создавать представительные национальные подготовительные комитеты, начать формирование Международного фонда солидарности.

Мы уверены, что советская молодежь, играющая активную роль в жизни своей страны, в международном молодежном и студенческом движении, сделает все необходимое для успешного проведения XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

От имени национальных, региональных и международных молодежных и студенческих организаций различных стран мы заявляем о своем стремлении сделать все для того, чтобы XII фестиваль стал ярким свидетельством нашего стремления к взаимопониманию и сотрудничеству. Фестиваль — это представительный форум, на котором будут обсуждаться насущные проблемы современности, вырабатываться совместные действия в целях обеспечения мирного будущего молодого поколения.

Да здравствует XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов!

За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу!

Куба, Гавана

На снимках: **вверху слева** — самая крупная демонстрация сторонников мира за всю историю Нидерландов состоялась в Гааге. «Нет — ракетам!», «Нет — ядерному вооружению!» — эти лозунги выражали требования молодежи, студентов, представителей городов и деревень Голландии, объявивших себя безъядерными зонами: **вверху справа** — Марш мира в столице Греции Афинах, в котором принял участие известный американский певец Дин Рид; **внизу слева** — «Городу Андерсена не нужны ракеты!» — под таким лозунгом прошла демонстрация в Копенгагене; **внизу справа** — антивоенная демонстрация в Сиднее под лозунгом «В наших силах остановить ядерное безумие!».

1968
СОФИЯ

1973
БЕРЛИН

1978
ГАВАНА

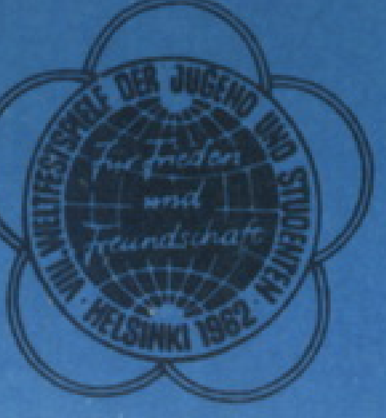
1955
ВАРШАВА

1957
МОСКВА

1959
ВЕНА

1962
ХЕЛЬСИНКИ

ГИМН ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ МИРА

Слова Л. ОШАНИНА
Музыка А. НОВИКОВА

Дети разных народов,
Мы мечтою о мире живем,
В эти грозные годы
Мы за счастье бороться идем.
В разных землях и странах,
На морях-океанах
Каждый, кто молод,
Дайте нам руки,
В наши ряды, друзья!

Припев:

Песню дружбы запевает молодежь,
Молодежь, молодежь.
Эту песню не задушишь, не убьешь,
Не убьешь, не убьешь!
Нам, молодым,
Вторит песней той
Весь шар земной!
Эту песню не задушишь, не убьешь!
Не убьешь! Не убьешь!

Помним грохот металла
И друзей боевых имена.
Кровью праведной алой
Наша дружба навек скреплена.
Всех, кто честен душою,
Мы зовем за собою,
Счастье народов,
Светлое завтра,
В наших руках, друзья!

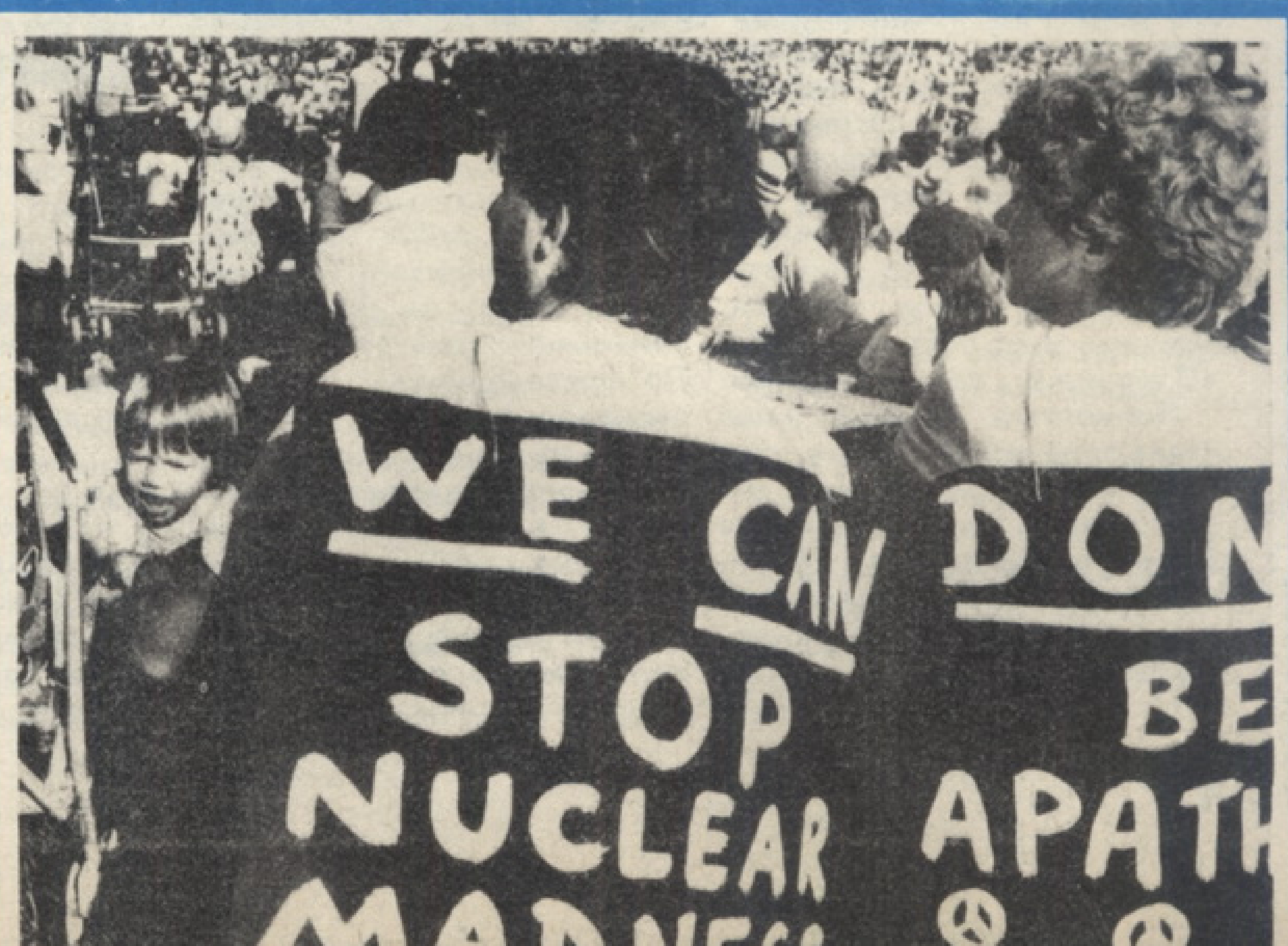
Припев.

Молодыми сердцами
Повторяем мы клятвы слова.
Подымаем мы знамя
За священные наши права!
Снова черные силы
Роют миру могилы,—
Каждый, кто честен,
Встань с нами вместе
Против огня войны!

Припев.

Ноты и текст «Гимна демократической молодежи мира» на английском, французском, немецком и испанском языках см. на 4-й странице обложки.

9 Мая — День Победы

ГРАНИЦА НАША

Нина ЧУГУНОВА,
Евгений СТЕЦКО (фото),
наши специальные корреспонденты

«Что вело их? — написал Илья Эренбург в сорок четвертом о стремившейся на запад, к границе, нашей пехоте.— Что гонит их вперед?» Написал еще: «И со вздохом облегчения шептал при мне старшина: «Подходим...»

Советская Армия вышла на государственную границу СССР в сорок четвертом. 26 марта пограничный столб был вновь поднят у разбитой переправы на реке Прут. Фотография, запечатлевшая сержанта Щепкина и бойцов Полякова и Панкратова, устанавливающих первый пограничный столб, вошла в историю. Рядовой, стоявший со всеми на берегу, сказал тогда простые слова: «Вот пришли, Прут»,— потому что пришли и вновь подняли пограничный столб пограничники, бойцы 24-го погранотряда, который эту часть границы защищал в сорок первом, когда против маленькой заставы к четырем утра 22 июня был сосредоточен целый полк фашистов. Подполковник Капустин, командир погранполка, записал для истории слова солдата, сказавшего: «Вот пришли, Прут»,— а от себя прибавил: «Парила такая тишина».

Полностью граница наша стала охраняться на всем протяжении к 7 ноября. А до этого дня к своей границе в боях стремились армии, фронты. Люди проходили в день двадцать, сорок километров, и никто не отстал, если не ранен, если не убит.

Есть фотоснимок: первые их танки пересекают нашу границу. Указано время: четыре утра, 22 июня. Очевидно, предполагалось, что этот кадр войдет в историю. Конечно, этот фотоснимок готовили для победной фашистской истории — фашисты спешили ее расписать по минутам вперед. Так, на пересечение границы СССР отводились минуты: перевес сил — один к десяти, пятнадцати, на отдельных участках — к двадцати! Что могли погранзаставы противопоставить такому перевесу?

Сотни погранзастав приняли внезапный удар — военная техника фашистов двинулась на них в 4.00.

Как было

«22 июня. 4.15. По телефону из Кишинева. Никольский. Начался обстрел из ручных пулеметов. Пятая и третья заставы отражают нападение. С пограничным отрядом связь прервалась».

«22 июня. По телефону из Белостока. Соколов. В 88-м отряде разбиты заставы 5, 6, 7, 8, 9 и 13-я. Немцы углубились на 3—4 км».

Это тексты телефонограмм. Ничего скупее не может быть. Имена многих из тех, кто принял бой в тот час, неизвестны. Раннее утро. Москва еще спит довоенно. Москва просыпается в летнее воскресенье. Радио заговорило в полдень...

Сегодня

Наступала ночь, мы шли по шоссе, город чувствовался рядом, и мы знали, какой он — полный туристами, сверкающий, с распахнутыми дверями парадных. Старший лейтенант Валерий Клочко вспоминал свою заставу, которую он совсем недавно передал другому старшему лейтенанту. Клочко шел в длинной шинели и говорил, а туман хлопьями валился на нас, и так мы поджидали машину с ночным нарядом. «Служба у ребят трудная».

Ночь начиналась обыкновенно. Исчез на фоне неба тоненький силуэт вышки. По шоссе проехал мимо нас заляпанный грязью автофургон «Совтрансавто», остановился на родной земле покопаться в моторе. Следом спустился чех с надписью «ИТИА» на грязном боку, фарами мигнул, а наш махнул ему: спасибо, справлюсь, поезжай,— и чех покатил, разбрасывая землю, налипшую к могучим колесам еще, наверное, там, у него дома, на той стороне...

Как было

«22 июня в 3.40 над заставой пролетели три германских самолета, вслед за этим по заставе начался сильный артобстрел. В 4 часа против заставы выступило до роты с автоматическим оружием. Эта группа была нами полностью уничтожена. ...Боеприпасы кончились, мы начали громить гранатами. Станковых пулеметов на заставе не было... Из окружения вышли 25 человек. Остальные пали смертью храбрых. Политрук Помянин ранен. Бой шел в течение трех часов. Политрук Щедрин».

Снимок слева:
март 1944 года. Советские воины устанавливают пограничный столб на восстановленной границе СССР. Фотохроника ТАСС

Здесь и далее мы цитируем не воспоминания и не художественные описания происходившего на границе, а боевые донесения, докладные записки... Так было.

Сегодня
(Разговор с рядовым Юрием Смеду)

...Машина подъехала. На машине был прожектор. Включенный, он начал полыхать белым огнем угольной топки. В тумане луч тяжело лег на лес. Собака прыгнула из кузова мягким и злым прыжком овчарки. Наряд пошел в лес, и оттуда мы расслышали тихое, строгое — собаке: «Рядом!» Свет прожектора сиял перед нами, как большой костер. Прожекторист был частью наряда, он был тоже в куртке из камуфлированной ткани, тепло одет. Мы разговаривали в тумане, разодранном светом, и в химическом полыхании рядовой Юрий Смеду улыбался. «Я тишину часто слушаю».— «Слушаете?» — «Да, ее не сразу всю услышишь».— «А что слышно?» — «Слышу, что в городе дискотека, звуков много».— «А бывают какие-нибудь особенные звуки?» — «Люблю, когда поют».— «Кто воевал у вас?» — «Дед».

Как было

Москва проснулась по-довоенному. Никто не знал ни срока войны, ни срока жизни лично своего, и это время потом было названо «мирной тишиной, внезапно нарушенной войной». Но на границе всегда было иначе, граница видела войну в лицо давно, и один начальник заставы запомнил на всю жизнь, что буквально за несколько часов перед нападением наступила странная тишина. О тишине докладывали отправленные им в дозор наряды. Не было тишины. Вдруг наступила. Короткая, плохая. Он запомнил. А другие не запомнили — не был этот факт затишья важен по сравнению с тем, что случилось. Важнее был факт: превосходящей силе, обрушившейся на заставы, была противопоставлена сила сильнее. Какая?

«22 июня в 8.00 противник силою до двух рот окружил заставу и пытался ее уничтожить. Начальник заставы младший лейтенант Колотов шесть раз водил бойцов в штыковую атаку. 22 июня в 9.00 после трехчасовой артподготовки противник силою до двух рот форсировал реку Прут и окружил 2-ю заставу погранотряда. Начальник заставы старший лейтенант Ермолаев, допустив противника на 100—150 метров, приказал открыть огонь. Противник обращен в бегство, оставив на нашей территории 75 чел. убитыми, и 32 чел. было захвачено в плен. Наши потери: трижды ранен Ермолаев».

«...По отрывочным сведениям установлено, что 16-я застава с 5.00 22 июня вела оборонительный бой, нанеся противнику большие потери. В бою погибло около 50 процентов личного состава».

«Отважно дралась 14-я застава под командованием младшего политрука Чусова. Будучи тяжело ранен в голову (выбит глаз), он продолжал вместе с бойцами упорно защищать заставу. После 9-часового упорного боя фашисты пустили против заставы танки. Прорвав окружение, Чусов с четырнадцатью бойцами по пояс в грязи через пруды выбрался на дорогу. К этому времени Чусов получил еще два ранения в обе ноги. На предложение оказать ему помощь Чусов отвечал категорическим отказом».

«Пользуясь лесистой местностью, пьяные фашисты окружили заставу лейтенанта Морина. Несколько часов длился бой. Горами трупов немецких солдат была усеяна местность вокруг заставы... Видя безвыходное положение, Морин с восемью бойцами зашли в здание заставы и уничтожили все документы. Возвращаясь обратно во двор, Морин вместе с бойцами запел «Интернационал». В это время на заставу ворвались фашисты...»

Сегодня
(Разговор с ефрейтором Владимиром Палагечей о службе)

— Володя, здесь, конечно, граница совсем другая, чем граница с капиталистической страной. Граница дружбы.

— Граница наша мирная, но служба везде должна идти строго. Нас ведь изучают, ищут — нет ли слабого места, нет ли лазейки. Вполне возможно, что нарушитель пересечет территорию сопредельного государства с тем, чтобы попытаться нарушить нашу границу. Но они ошибаются, предполагая, что между социалистическими странами на границе ослаблено внимание нарядов. Наоборот, мы границу должны беречь сообща. С той и с другой стороны. Это очень крепкая граница — наша.

— А кто ваши отец, дед?

— Отец в совхозе работает, мы из Киевской области. В молодости он тоже пограничником был. Вот он рассказывал такой случай из своей пограничной службы, что он идет — тогда поодиночке в наряд ходили,— вдруг видит — след и побежал с собакой, а у разрушенного военного блиндажа собака учуяла, но нарушитель открыл огонь, и отец, несмотря на то, что был ранен, с помощью служебной собаки нарушителя взял. Нет, он не отговаривал нас. Наоборот. Брат мой Станислав здесь недалеко служил, на КПП в Чопе. Говорит: служба самая почетная. Он на пять лет постарше...

— А дед?

— Дед, известно, воевал. Он руку потерял на войне. Когда нашу границу они прошли и освобождали другие страны. Он вернулся в сорок четвертом: сильно ранило. В Берлине, значит, не был.

лись в два приема. Служба. Я всегда говорил: солдат должен уметь спать. Лег — провалился. А знаете, я заметил, что солдату все же нравится служить на заставах, хоть на них и труднее. Это от привычки к семье, видимо. А труднее потому, что больше службы. Болеть, скажем, некогда. Кто за тебя в наряд пойдет? По второму разу пойдут ребята. Все понимали это и не болели. В прошлом году никто. Старались больше париться в субботу — и не простужались. А постепенно все закаливаются: целый день на воздухе. Изо дня в день — а может быть и дождь, и снег, идешь мокрый весь — службу нести надо... Что-то вспомнил я: в Новый год наш Бугаев больше всех веселился, во всем, что было придумано, старался поучаствовать, и я ему

— Сколько вам лет?
— Девятнадцать...

Как было

Фамилия того лейтенанта, начальника заставы, который встревожился от затишья на границе, а через несколько часов была уже война, Паджев. Он потом вернулся к тому месту, где стояла его застава. После войны он, прошедший войну, решил, что первый бой его заставы не был так важен для судеб войны, как, должно быть, считал он в момент боя. Но он вернулся к тому месту, где принял первый бой.

Как это было. Привыкшая к тревожной жизни застава, свыкшаяся с тревогами застава жила обыкновенно. Наступила ночь. Кто-то играл на гармошке. После войны Паджев вспомнил даже кто: сержант Беляев. Наряды были отправлены, составлен план охраны границы на следующий день. Потом лейтенант пошел отдохнуть. Через короткий промежуток времени его тронул за плечо политрук, говоря: кажется, начинается. Как дальше развивались события на этой маленькой заставе? Лейтенант и старшина при помощи бойцов сожгли все секретные документы, потому что таков был приказ. Лейтенант созвал митинг во дворе заставы. Враг не напал на эту заставу в четыре ноль-ноль. Поэтому оставалось время по-довоенному распорядиться им. Митинг, чтобы дать клятву держаться до последней капли крови. Потом времени на митинги не было, не было даже передышки в боях, чтобы посчитать потери...

Сегодня
(Рассказ старшего лейтенанта Валерия Клочко о заставе)

— Служба у ребят трудная. Спят урывками. Положено спать восемь часов. И я старался, чтобы солдат получал свой сон в один прием. Но это ведь когда как. Сам тоже спишь когда как. Застава хлопотная. Ремонт, отопление... Даже коровки есть на заставах, а как же. Но главное — наряд. Солдаты проходят в день несколько десятков километров. Не по дороге, по земле. И не просто, конечно, идут. Несут службу. Сначала человек может очень изматываться.

В погранвойска приходят хорошие люди, физически крепкие. Но устают сначала все. Это непривычно после жизни там, дома, в тылу. На заставах людей немного. И бывало, что не набирали восемь положенных часов сна в один прием, они складывались в два приема.

сказал: «Что ты спешишь, куда?» А он ответил: «Так мне же в наряд в двадцать четыре часа!» Насмеялся и пошел.

— Интересно, о чем он думал в новогоднюю эту ночь?

— О доме, о чем же еще. И о службе, конечно. Я наблюдал за своими солдатами, видел, как они, бывало, весь выходной просиживали за столом. Альбом готовят к увольнению: «Застава родная», «Они ждали меня два года»... Что еще — ну, «столько-то тревожных дней и ночей».

— А что, тревожные дни считаются отдельно?

— Тревожные дни — это все дни, а сколько всего прослужил, он вам ответит в любую минуту.

...У меня свой знакомый, можно сказать, был на той стороне. Венгерский начальник заставы. Взаимодействуем. Как же иначе, ведь мы должны друг друга знать, надеяться на помощь в случае чего. И если у них тревога, они сообщают нам. Народ у них местный надежный: увидят незнакомого, сейчас сообщат на заставу. То же у нас. Люди в приграничных селах строгие, помнят послевоенные тревожные годы. Чужого сразу заметят. Там, где я служил, председатель колхоза украинец, участвовал в задержании четырех нарушителей. Давно еще. Отличный мужик. Итак, что же за разница между землями? Земля одна. Люди сеют-пашут. В мае чехи, венгры — тысячи людей приезжают к нам в город на праздник границы. Это гуляние традиционное в честь дружбы народов. Митинги, песни... А граница охраняется очень строго. Мои ребята все понаписали в свои альбомы — нашли слова Лазо: «Не каждому дано право пройти по краю родной земли». Право! Знаете, это острое чувство: Родина за спиной. Все это чувство знают.

...Граница — какое большое хозяйство! Как много техники, приборов. А главное — служба.

Сегодня
(Застава)

...В наряд ушли младший сержант Курч и рядовой Алексеев. Мы стояли перед забором, за которым шла контрольно-следовая полоса, и смотрели, как они идут там, по липнущей к сапогам мягкой и тяжелой земле, они шли и слегка проваливались, а за несколько часов к сапогам столько налипнет земли, будто земля за ноги держит. Они вернутся ночью.

— Ну, вот граница,— сказал Владимир Горбовских, теперешний начальник заставы. За воротами шла дорога, которой не пользовались, но ухоженная. — А там,— махнул он рукой,— наш здешний колхоз сено косит.

Ему было некогда в упор рассматривать эту цветущую землю под пасмурным небом.

— А здесь были тревожные дни?

— Было,— сказал коротко лейтенант.

На наблюдательной вышке стоял Петя Малеван. Он ходил вокруг будки скупым шагом часового.

— Тихо? — спросили мы, стоя на жирной земле.

— Тихо,— отозвался негромко Петя.— Здесь вообще место очень тихое.

С вышки мы увидели всю эту землю...

— А в ясную погоду кругом Карпаты видны,— говорил Петя.— И там люди, автобусы. Вон то дерево видите? Уже венгерское. (Когда человек привыкает к напряжению, он становится особенно спокоен внешне, даже в словах спокоен и точен, вот почему на заставе люди похожи выражением лиц.) — Недавно была тревога учебная, и когда собирался, я все думал: что случилось?

— А сколько на сборы?

— Чем меньше, тем лучше.

— Трудно?

— Привык. Я так и хотел в погранвойска. Мы с товарищем у нас в Унгенах в восьмом классе нарушителя задержали, но то был, оказывается, учебный нарушитель. Тогда я и решил пойти на границу служить. И земляка на заставе встретил, Юру Скутельника.

— ...Я все думаю,— сказал Петя, глядя на картину, может быть, самую мирную: село, дорога, поля и человек в форме, идущий за молоком,— как бы я действовал?

— Когда?

— В то время,— сказал Петя.

Он не сказал — в войну или в сорок первом, как будто был уверен, что об этом думают все.

— Дом часто снится? — спросили мы.

— Почему-то часто война снится,— сказал Петя.— Может быть, от кино, нам кино часто привозят.

Как было

«9-я застава в течение двух суток вела бои. Фашисты шли на заставу во весь рост...»

Сегодня

...Летом здесь с двух застав по обе стороны границы идут ребята с ведерками с краской и красят столбы, сдвинув фуражки на затылок,— той же дорогой, какой идут осенью косари, чтоб трава для хозяйства не пропала: здесь и там. Скажем, венгры и мы...

Сержант Ермоленко написал в солдатском сочинении: «Родина — это то, что окружает человека с раннего детства». Странно он написал про Родину, как про реку, как про тишину. Но действительно, ведь это вещи вечные и связанные между собой...

— Вы говорите: тыл? — спросили мы лейтенанта.

— Так точно,— сказал лейтенант, сменивший лейтенанта Клочко, а оба сменили лейтенанта Паджева и всех, кто сорок лет назад шел к границе, пересиливая войну, гоня ее прочь от нашей земли, от Варшавы, от Будапешта, гоня ее.— Тыл — это наш пограничный термин.

Тыл — это мы с вами. Так было все эти годы. Мы жили и живем в тылу, за спиной у этих ребят, за заставой, и наша тишина другая.

...Слова, необходимые всем в сорок четвертом, нашел писатель Эренбург, чтобы сказать им, бежавшим к границе. Вот они: «В эти великие дни сердца советских граждан преисполнены признательности к нашим пограничникам. Они снова стоят на посту, и мирно спит дитя в колыбели, и от Тихого океана до Карпат улыбается, как мать, прекрасная Родина».

И через сорок лет мы эти слова повторяем.

■

Письмо это из Перми:

«Здравствуй, дорогая редакция «Ровесника». Я уже давно интересуюсь жизнью индейцев Северной Америки. Люблю читать старинные романы про этих людей, читаю и о современной жизни индейцев. Я люблю этих людей за смелость, гордость, непреклонность перед врагами. И мне до глубины души жаль, что индейцы на грани вымирания. Так хочется им помочь. Я бы хотела, чтобы в вашем журнале напечатали об индейцах США. Об их обычаях, нравах. Каковы условия жизни коренных жителей США в наши дни! Если можно, то поместите, пожалуйста, и фотографии. С уважением к вам. Манович Екатерина. 26/II—84 г.».

О чем говорит это письмо и другие подобные письма, приходящие в редакцию из разных уголков нашей страны! Что за дело их авторам до судьбы маленького народа, живущего на другом конце света, в самой богатой стране капиталистического мира! Или до других народов, живущих еще дальше — в Австралии и Южно-Африканской Республике, тоже не отличающихся бедностью странах! И почему авторов писем в редакцию гложет тревога! И желание получить о них весточку! И готовность помочь!

«Ничего необычного для здешних мест»

Нур ДОЛЭЙ,
корреспондент журнала
«Африк-Ази» в Австралии

1. Это неслыханно!

Самолет вылетел из Дарвина поздно вечером и приземлился в Дерби уже около полуночи. В аэропорту многочисленные машины, сдаваемые напрокат, ждали пассажиров, желающих поехать в город, чтобы переночевать в гостинице. «Конечно, это дороговато — брать машину напрокат лишь для того, чтобы поехать в гостиницу и вернуться утром в аэропорт,— объяснил мне один из пассажиров.— Однако такси здесь грязные — в них так часто ездят аборигены!» Впрочем, компания, на которую он работает, возмещает ему все «расходы на гигиену и чистоту».

Нет, мы не в Южно-Африканской Республике. Мы на «Дальнем Севере» Австралии — страны, которая участвует в бойкоте южноафриканского расистского режима и не разрешила своей команде участвовать в матче по регби с командой «Спринг-бокс» из ЮАР. Нельзя сказать, что в Австралии апартеид — политика правительства. Однако апартеид здесь явление повседневное и повсеместное, будь это на «Дальнем Севере» или на более цивилизованном юге континента.

— Аборигены? — переспросила меня Николь, жительница района Редферн, находящегося в самом центре общины аборигенов Сиднея.— Нет, я их не знаю, и у меня нет оснований желать познакомиться с ними или интересоваться ими. У меня с ними ничего общего. По-моему, они безнадежны. Их образ жизни выше моего понимания.

Николь белая протестантка англосаксонского происхождения. Нет ничего удивительного в том,

Наверное, каждый из читателей «Ровесника» может ответить на эти вопросы, мы имеем в виду не просто сформулировать четкий и ясный ответ, в котором непременно будут присутствовать такие понятия, как гуманизм, интернационализм, солидарность, а ответить сердцем, без слов, ответить чувством, которое не всегда выразить словами, но которое из поколения в поколение живет приметой советского человека, ему самому подчас и незаметной.

Вот мы и решили поставить риторические вопросы, чтобы обратить внимание на эту примету советского народа и сравнить ее с другими народами, которые, конечно же, ничуть не хуже нашего просто потому, что не существует хороших или плохих народов, но существуют различные уклады жизни, определяющие отношения людей друг к другу, диктующие им свои законы.

Мир, в котором живут индейцы США, аборигены Австралии, африканское население ЮАР, живет по законам капитализма, и этим обстоятельством определяется их судьба — трагическая судьба исконных хозяев земель, захваченных пришельцами, которые понастроили на этих землях сверкающие огнями города, проложили великолепные дороги, соорудили гигантские предприятия, но не сумели сделать свою жизнь человечной, а тем более не сумели и не захотели воздать хозяевам завоеванных земель достойным их уважением, заботой, помощью.

Более того, буржуазная пропаганда без всякого смущения называет «помощью» то, что в представлении любого порядочного человека выглядит либо как оскорбительная подачка, либо как жульничество, узаконенное еще в те далекие времена, когда колонизаторы выменивали у местного населения золото, драгоценные камни, произведения их самобытной культуры на всевозможные копеечные побрякушки. Так действуют сегодня, например, многие монополии США, старающиеся купить за ничтожную плату право на эксплуатацию полезных ископаемых на всех еще принадлежащих индейцам клочках земли.

Верхом бесстыдства является пропагандистское прикрытие позорной политики апартеида, осуществляемой расистами ЮАР. Бывший премьер-министр ЮАР Фервурд не стеснялся утверждать, что апартеид, то есть раздельное проживание рас, проводится в интересах коренных африканцев и послужит их процветанию. Что это за «процветание», читатель может судить, познакомившись с очерком «Но день придет...». В нем, как и в двух других, также написанных очевидцами, рассказывается о неисчислимых бедах — материальных и нравственных,— которые испытывают индейцы Америки, аборигены Австралии, африканское население ЮАР.

...Как объяснить тот факт, что в богатой Австралии уровень жизни 90 процентов коренных жителей ниже «порога бедности»! Как объяснить тот факт, что они до сих пор страдают от болезней, от которых полностью избавлены другие австралийцы!

...Белые американцы поставили индейцев перед альтернативой: жри нашу культуру или подохни — мы и пальцем не шевельнем, чтобы приблизиться к вам.

...Они вывели меня из дома и привезли на стадион. Они били меня пять дней подряд. Один раз они связали мне руки и подвесили к потолку. Целый час они стегали меня бичом, сменяя друг друга.

Выбрав эти три отрывка из публикуемых очерков, хочется обратить внимание Екатерины Манович и всех других читателей «Ровесника»: это происходит сегодня, сейчас!

И если вы где-нибудь услышите болтовню о «свободном мире» капитала, вспомните об этом.

что, хотя она живет бок о бок с аборигенами, она ничего о них не знает. Она оказалась в гетто, населенном темнокожими австралийцами и иммигрантами-греками, по чистой случайности. Это довольно редкое (и временное) явление. И в ее отношении к аборигенам нет ничего необычного для здешних мест: полнейшее неведение, по существу, основанное на неприязни и отвращении.

У большинства белых австралийцев в лучшем случае «ничего общего» с темнокожими, которые когда-то населяли всю страну. Но ведь аборигены живут на этой земле вот уже сорок тысяч лет! Девяносто девять процентов истории Австралии — это история аборигенов. От коренного населения континента, которое насчитывало 300 тысяч человек двести лет назад, во времена посещения этой «Терра Аустралис» капитаном Куком, в результате быстрого истребления к началу тридцатых годов осталось 60 тысяч. В течение одного столетия из пятисот языков и диалектов, на которых они говорили, большая часть безвозвратно исчезла. Таково подлинное лицо «мирной колонизации», как англичане называли захват этого континента. На поверку «мирная колонизация» оказалась исторической ложью, не лишенной сходства с другими мифами, прочно укоренившимися в сознании белых людей.

Первые колонисты — осужденные преступники, высланные из переполненных тюрем Англии на эти просторные земли, на родине не знали ничего, кроме несправедливости и насилия. Всем этим они и «одарили» тех, кто их встретил в Австралии: ранее неизвестными здесь болезнями (оспой, туберкулезом), «охотой на людей», которой колонисты занимались как спортом, ловушками с отравленной пищей в голодные месяцы. Понадобилось уничтожить абсолютно всех аборигенов острова Тасмания? Уничтожили. Что касается остальных, то власти решили, что полное вымирание аборигенов неизбежно. Было даже принято решение «сделать их вымирание менее мучительным»!

Однако вопреки ожиданиям белых захватчиков аборигены не хотели вымирать. Они выжили в концентрационных лагерях, они сумели выжить на бесплодных землях. Это заставило власти отказаться от проведения политики «протекционизма» и заменить ее политикой ассимиляции аборигенов. Однако и это не дало ожидаемого результата. Невозможно ни истребить, ни изолировать, ни ассимилировать! В конце концов в 1967 году правительству приш-

лось... признать существование аборигенов! Ведь до того времени их не учитывали даже при переписях населения. Считаясь «недееспособными», они не пользовались и правом голоса. После референдума, проведенного в 1967 году, к конституции Австралии была принята поправка, давшая возможность федеральному правительству принимать законы, касающиеся аборигенов, которые имели бы силу во всех штатах, и включить аборигенов среди представителей «других рас» в число населения страны. Первая перепись населения, учитывавшая аборигенов, была проведена в 1981 году: оказалось, что в стране живет 160 тысяч коренных австралийцев.

Хотя аборигены и получили официальное признание, они не получили реального признания своих прав. Австралийцы англосаксонского происхождения любят называть себя «европейцами» и даже готовы признать права других этнических групп иммигрантов — греков, итальянцев, ливанцев, но не коренных австралийцев.

— В греческом кафе говорят по-гречески, в итальянском — по-итальянски. Каждый может говорить на своем языке, кроме нас,— пожаловался мне один из борцов за права аборигенов по имени Лэрри.— У других есть свои школы, где детей учат на их родном языке. Нашего языка как будто и не существует.

Лэрри отвергает обвинение в «расизме наоборот». Он понимает, что многие иммигранты, которые, спасаясь от нищеты, выбрали Австралию в качестве своей второй родины, тоже чувствуют себя не очень уютно. Хотя они и стали австралийскими гражданами, на них смотрят как на «чужаков».

— Но к ним, по крайней мере, относятся как к людям. Кроме того, у них есть другая родина, своя культура, на которую они могут опереться,— продолжает Лэрри,— у нас же нет даже этого. Мы стали иностранцами в своей собственной стране. Белые австралийцы ради престижа жертвуют деньги на стипендии африканским студентам, критикуют политику апартеида в ЮАР, а к темнокожему населению своей собственной страны относятся как самые отъявленные расисты.

Как объяснить тот факт, что в богатой Австралии уровень жизни 90 процентов коренных жителей ниже «порога бедности»? Как объяснить тот факт, что они до сих пор страдают от болезней, от которых полностью избавлены другие австралийцы? В каждой семье аборигенов есть обязательно один слепой, двое из пяти коренных австралийцев страдают от трахомы; в Северной Территории и в Западной Австралии этой болезнью поражено 77 процентов коренного населения. В каждой семье, живущей в сельской местности, есть один прокаженный. Уровень детской смертности у аборигенов в три раза выше, чем в других общинах Австралии, а продолжительность жизни на двадцать лет меньше; один из пяти коренных австралийцев умирает, не дожив и до сорока лет, в то время как в среднем по стране эта цифра составляет один к двадцати девяти. У аборигенов гораздо чаще и в гораздо более раннем возрасте обнаруживаются такие заболевания, как психические расстройства, респираторные, желудочно-кишечные, сердечно-сосудистые заболевания, а также болезни, вызываемые неполноценным питанием,— подагра, тучность, диабет, повышенное кровяное давление и различные виды инфекций, особенно легочные, ушные, глазные, кожные. Надо еще добавить, что коренные австралийцы из-за дискриминации неохотно обращаются за медицинской помощью.

— Основными причинами заболеваний являются плохие жилищные условия, низкий уровень гигиены, нарушение привычного рациона питания,— говорит д-р Эндрю Рефшодж из медицинской службы района Сиднея Редферн.— В перенаселенных жилищах аборигенов инфекционные заболевания стремительно распространяются. Рацион питания коренных жителей страны прежде состоял из съедобных кореньев, плодов и насекомых. Сегодня он полностью нарушен: они едят отходы и бракованные продукты пищевой промышленности. Отсюда и повышенная склонность к болезням.

Другая серьезная проблема — безработица, которая сказывается на аборигенах сильнее всего. В штате Новый Южный Уэльс работы не имеют 77 процентов аборигенов. Расизм и предубеждение — основные причины того, что коренное население Австралии не получает должного образования и профессиональной подготовки.

— В этой стране работа есть практически только у тех аборигенов, кто занят в учреждениях, занимающихся проблемами самих же аборигенов,— говорит Лайэнн Манро, администратор юридической службы аборигенов в Редферне.— Темнокожий за рабочим столом или прилавком — это неслыханно! В банках, на почте, где угодно могут работать представители всех других этнических групп, но не мы. Ни один белый не потерпит, чтобы его обслуживали аборигены.

Таким образом, занятость коренных австралийцев ограничивается монотонным или тяжелым физическим трудом, на какой не согласится белый. Но даже такую работу получить нелегко.

— Раньше они жаловались на низкую зарплату,— объяснил главный инженер стройки в Порт-Хедленде.— Теперь дискриминация по расовому признаку запрещена; за равный труд положена равная оплата. Кто же захочет нанимать темнокожих? Да и зачем, если за те же деньги можно нанять белого.

Так неужели расовая дискриминация в самом деле запрещена? С точки зрения закона — да, но она по-прежнему живет в образе мыслей белых и выражается на деле.

— Однажды мы услышали, как судья открыто заявил на суде, что аборигены принадлежат к породе паразитов,— рассказал Тони Симпсон, адвокат юридической службы аборигенов в Редферне. — Сегодня в законодательстве Австралии не найти расистских положений в прямом смысле этого слова, однако все это законодательство — это законодательство расизма, ибо оно было навязано аборигенам, а не выработано в соответствии с их традициями и историей. Во время колонизации страны между двумя расами не существовало никаких правовых отношений, никаких договоров. Законы Австралии — это колониальные законы. Таким образом, к культурному и экономическому угнетению аборигенов добавляется еще и угнетение правовое. Аборигены живут в социальной среде, угнетающей их.

Надо еще помнить, что аборигены, кочевники по традиционному образу жизни, мало ценят материальные блага и часто оказываются не в состоянии приспособиться к бешеному темпу существования, который навязывается им.

II. Земля надежды

В последние годы все большее число аборигенов объединяется в организации с тем, чтобы отстоять свои права и самим решать свою судьбу.

Одна из таких организаций — движение «дальних стойбищ». В начале 70-х годов целые группы семей аборигенов начали уходить из резерваций, сохранившихся со времен политики протекционизма, и переселяться на земли, которые когда-то им принадлежали. Там они надеются сохранять свой традиционный уклад жизни, питаться тем, что дает земля и охота, выражать свои чувства и переживания в живописи и других формах искусства. Так аборигены надеются сохранить свою безвозвратно исчезающую культуру, воспитать на ней молодое поколение, чтобы оно обрело национальное самосознание и уверенность в себе, дать молодежи возможность изучить свою историю, язык, традиции. И в то же время дать молодым людям возможность усвоить из цивилизации белых то, что они хотят, отбросив все то, что является отрицательным, в первую очередь пьянство.

В наши дни на «дальних стойбищах» живут уже четыре тысячи аборигенов. Несмотря на противоречивость этого явления, ясно одно: коренные австралийцы, живущие на «дальних стойбищах», обрели более прочное душевное равновесие, самосознание и уверенность, которых не могут дать им ни учреждения, ни программы, предлагаемые властями для улучшения их положения.

Тони Симпсон называет себя «профессиональным союзником» аборигенов в «программе общинного выживания». Эту программу проводит ряд организаций, созданных аборигенами и находящихся под их контролем. Ее цель — решить самые неотложные задачи, в частности, в таких областях, как право и здравоохранение. Юридическая служба, основанная в Редферне в 1971 году горсткой аборигенов-активистов, первая в своем роде. По ее примеру была создана и медицинская служба. Отсутствие адвокатов и врачей из аборигенов заставило общины искать помощи «профессиональных союзников» среди белых. Один из них, известный врач-окулист профессор Фред Холлоуз, стал для аборигенов живой легендой так же, как и хирург Норман Бетюн.

В центрах таких служб есть пункты медицинской помощи. Если бы этих центров не было, аборигены скорее предпочли бы умирать у себя дома, чем терпеть унижения, которым их подвергают в больницах.

Вопрос о землях аборигенов привлекает острое внимание и вызывает ожесточенные споры. Привязанность коренных австралийцев к своей земле велика, даже и у тех, кто почти не поддерживает связи со своим племенем и не соблюдает его традиций. Священной считается не только земля, но и деревья и скалы. Эти места в представлении аборигенов—вместилища душ почитаемых предков. Вот почему для коренного населения Австралии так важно возвращение всех священных мест, получение прав на земли, которые исконно им принадлежали. Аборигены считают, что, лишь добившись неотъемлемого права на эти земли, они смогут создать на них основы своей экономической независимости, отказаться от существования на пособие, предусмотренное правительственными программами помощи, вновь обрести национальное самосознание и чувство достоинства полноправных австралийцев.

Сегодня аборигены имеют в своем распоряжении около десяти процентов территории континента, то есть семьсот с лишним тысяч квадратных километров, из которых около 200 тысяч входят в состав резерваций. Это, конечно, значительный прогресс в сравнении с тем положением, которое было десять лет назад. Однако большая часть этих земель — пустыни, от которых отказались белые скотоводы и которые не имеют сельскохозяйственной и промышленной ценности. Так чаще всего обстоит дело на Северной Территории, подчиненной федеральному правительству Австралии, где аборигены располагают 389 731 квадратным километром территории. С другой стороны, земли, право на владение которыми надеются получить аборигены, населены коренными жителями, ведущими племенной образ жизни. Коренные австралийцы, живущие в городах и поселках, практически не имеют никакой возможности поселиться ни на этих землях, ни на какой другой земле.

— Влияние белой общины в штате Новый Южный Уэльс настолько велико, что движение аборигенов за право на землю здесь имеет лишь символический характер,— признался нам министр по делам аборигенов Пэт О'Шейн.— Если правительство этого штата дает что-то аборигенам одной рукой, то лишь для того, чтобы тут же отобрать другой.

— Что касается закона, в котором якобы признаются наши права на землю, то это, в сущности, просто шутка белых,— заявил, выражая настроения подавляющего большинства аборигенов, администратор юридической службы Редферна Лайэнн Манро.— Они издают закон, согласно которому мы якобы получаем 700 квадратных километров земли. Но на этой земле всегда жили и живут аборигены. Одновременно издается постановление о том, что правительство может отвергнуть любое новое ходатайство, если оно сочтет нужным использовать эти же самые земли для так называемых общественных надобностей.

В таких штатах, как Квинсленд и Тасмания, известных своим расизмом, аборигены не могут даже в отдаленном будущем мечтать о такой победе, какую удалось одержать племени питжантжатжара, которое добилось передачи в свою собственность 100 тысяч квадратных километров земли в штате Южная Австралия. Правительство Тасмании недавно заявило, что на территории штата нет ни одного чистокровного аборигена и что площадь земель, принадлежащих аборигенам, в Тасмании составляет всего... 1 квадратный километр!

Возвращение к власти лейбористов не могло не пробудить некоторых новых надежд на решение этого вопроса.

С 1977 года существует Национальный совет аборигенов, состоящий из тридцати шести членов, избранных самими коренными австралийцами. Совет старается объединить требования аборигенов, а также ведет от их имени переговоры с федеральным правительством. Власти в Канберре, со своей стороны, также стремятся показать свои добрые намерения. Еще предстоит сделать главное, а именно — признать самобытность аборигенов, признать первых коренных жителей континента австралийскими гражданами, равноправными с остальным населением страны.

■

—Они живут как звери, эти индейцы. Они слишком ленивы, чтобы что-нибудь сделать для себя или для страны. Я плачу налоги, а они их проматывают. Я говорю вам: им чертовски хорошо живется.

Так сказал мне белый американец в кафе на границе с территорией индейцев навахо и, указывая на коричневую цепь холмов, которая виднелась в окне, продолжал:

— С чего вдруг вы хотите к ним идти? Там нечего искать. Они не знают ничего и ничего не умеют. Я знаю, что это за люди. Белые им не по нутру. Они нас ненавидят.

— Но не надо забывать, что эта страна когда-то принадлежала им...— пытаюсь я прервать его.

— Чепуха. Бросьте рассказывать мне сказки! Просто мы забыли записать в конституцию, что они не люди. Это разрешило бы все проблемы.

«Посмотрите на настоящих индейцев, когда они ткут ковры!» — кричала реклама сувенирной лавчонки, мимо которой я позже проезжал. Рядом с огромными рекламными щитами с ярко раскрашенными вигвамами и индейцами в уборах из перьев городские дома выглядели маленькими, серыми и неинтересными. В банке индейцы улыбались со всех плакатов и картин, в супермаркете они наводнили комиксы своей охотой на стада буйволов. Можно было подумать, что в этом городе ничто так не заботит жителей, как восхваление аборигенов страны. Однако от живых индейцев, проходивших по улицам, они отворачивались...

Два года я провел с индейцами. И за это время успел возненавидеть мир белых, потому что увидел изнутри, глазами своих новых друзей, как белые уничтожали, отравляли, уродовали природу. Из резервации остальной мир выглядел ощетинившимся ненавистью, распираемым предрассудками. Угроза быть стертой с лица земли нависла над резервацией и ее обитателями. Угроза тем более реальная, что подкреплялась холодным рационализмом: «Индейцы должны приспособиться к нашей системе свободной конкуренции».

Оказавшись в баре рядом со спекулянтом земельными участками, я видел, как он плотоядно потирал руки, предвкушая новые добрые времена, когда на землю вновь возвратятся «равные права для всех» и индейцы вынуждены будут потесниться: «Кто не сможет платить земельный налог, должен будет свою землю продать. А если голливудские компании начнут в Моньюмент-Вэлли строить дома — сразу подскочат цены! Это будет неплохой бизнес, можете мне поверить!»

Возможно, отождествление с индейцами выработало во мне предвзятое отношение к белым: я оправдывал недостатки индейцев, потому что понимал — они привиты им нашей «белой» цивилизацией. С определенностью могу сказать одно: не будь здесь белых, многое бы выглядело по-другому.

«Им чертовски хорошо живется»

Они никогда не говорят о любви. Они ее излучают

Я очень редко отваживался критиковать индейцев. Возможно, в основе такого отношения к ним было чувство вины, которое я, белый, ощущал.

Между тем среди тех индейцев, с которыми я жил в резервации, были и такие, кого древние обычаи волновали не больше, чем спекулянта из бара, и они столь же безудержно истребляли растения и животных. Образ мышления других, которые относились к природе с трепетным уважением, как правило, сохранился вопреки разлагающему влиянию белых. Философия индейцев навахо исходила из того, что в природе всего достаточно и что это богатство неиссякаемо потому, что человек скромен и относится к природе с уважением. Поучиться бы нам всем такому отношению!

Когда среди индейцев разнесся слух, что поблизости от каньона поселился необычный иностранец, который живет

Фридрих АБЕЛЬ,
западногерманский журналист

в таком же хогане (традиционное жилище индейцев навахо, наполовину врытая в землю, обмазанная глиной землянка), как и они, многие приходили меня навестить. Эти встречи радовали меня. Казалось, индейцы гордились тем, что белый сделал себе такое же жилище, как и у них.

После одного дня, проведенного вместе с ближайшими друзьями-навахо, я записал в своем дневнике: «Сегодня как будто качался в колыбели. Почему я так тронут? Оттого, что кто-то заботится обо мне? Теперь мне будет тяжело снова остаться одному. Как будто я действительно принадлежу к ним. Сейчас, после их ухода, я впервые ощущаю, как щедро они меня одарили. Само их присутствие, вид, как бы говорят: здесь, в этом мире, мы вместе. Они никогда не говорят о любви. Любовь в них самих, и они ее излучают».

Встречая иной раз прельстившегося «цивилизацией» индейца, я с трудом удерживаюсь от желания объяснить ему, на какой опасный путь он встает, отрываясь от своих без всякой надежды стать «своим» среди белых. Они никогда не примут его. Зато он вынужден будет принять их взгляд на жизнь, что ничего нет важнее денег.

Однажды я встретил такого.

— Индейские традиции? — рассуждал он.— О, нет, вся эта чепуха мне ни к чему. Я католик, люблю ковбойские фильмы, родео, смотрю телевизор. Работаю на электростанции. Ты живешь в хогане? Ну, ты даешь, парень! А я живу в современном доме. И хватит пудрить мне мозги сказками об индейском первородстве. Плевать мне на него. Со мной это не пройдет! Все мы в одинаковом положении: или я тебя, или ты меня. И хотим все одного — иметь много денег и жить в свое удовольствие.

Бедняга, он не ведал, в какие сети попал и что его ждет впереди. Впрочем, я менее всего был склонен иронизировать над этим человеком, самоуверенно считавшим, что он самостоятельно сделал свой выбор, которого в действительности нет. Ведь нельзя же считать альтернативой или стать «почти как белый» и отказаться от своего рода и племени, или вместе с племенем медленно вымирать.

Единственная свобода — получать милостыню

И все-таки некоторых иллюзии завораживают. Индеец, ответственный за экономическое развитие навахо, говорил мне:

— Чтобы позволить себе собственную духовную жизнь, нам нужен экономический фундамент.

Он рисовал передо мной будущее своего племени: грандиозные сельскохозяйственные проекты, собственное железнодорожное общество навахо, собственная электростанция, добыча нефти, собственные нефтеперегонные заводы. Пройдет немало времени, и племя само сможет разрабатывать полезные ископаемые на своих землях. Уже сегодня, утверждал он, в резервации можно добывать столько сырья ежегодно, что его хватит для удовлетворения энергетических потребностей всей Аризоны на много лет.

— «Навахо-нейшн» будет одним из крупнейших концернов Соединенных Штатов! — Он сел за стол и откинулся на спинку стула.— В молодости я несколько лет провалялся в канаве. Я был просто-напросто вечно пьяным индейцем большого города. Но, скажу вам, это был очень важный для меня период. Семь судимостей за пьянство. И только потом я начал искать выход.

Я сам себя сделал. Занимался в университетской библиотеке. Но знаете, что мне прежде всего бросилось в глаза? Совсем нет правдивых книг об индейцах. Все написано с точки зрения белых. Ведь после индейских войн США отняли у нас нашу экономическую базу, отняли землю, истребили скот, и мы не могли себя прокормить. Тогда, чтобы мы не портили вид «их» прекрасной страны, они стали кидать нам подачки. И так до нынешнего дня. Мы научились получать милостыню, а больше, собственно, нас ничему и не хотели учить. Это была единственная свобода, которую нам оставили. У нас отняли возможность развивать нашу собственную, древнейшую систему хозяйства, и в результате наше самоуважение упало до нуля. Из поколения в поколение быть лишенным реальной ответственности за себя самого. Что может быть убийственней для самосознания? Не иметь никакого контроля над собственной жизнью! По своей воле нельзя даже подохнуть! Это страшно.

— Ну а как же ваши великие проекты? Имеют ли они реальную почву? — спросил я.

— Мы пытаемся создать своего рода коллективное хозяйство. Это соответствует традициям племени. Человечность — вот что для нас главное, а не просто чисто коммерческие интересы. У нас не будет такого удушающего капитализма, как у этих белых эксплуататоров.

— Разве это не иллюзия? Если вы будете думать о человечности, а не о доходах, вы не выдержите конкуренции...

Первым делом деньги

После разговоров с другими энтузиастами экономических проектов у меня сложилось впечатление, что некоторые из них в отличие от моего собеседника так глубоко увязли в делании денег, что совсем забыли о своих соплеменниках. Таких, правда, немного. Большинство индейцев из племени навахо никак не хотели превращаться в «почти белых», но такие есть, и положение их, прямо скажем, незавидно.

Дело в том, что, прельстившись предпринимательской деятельностью, которой занят весь окружающий их мир, они в отличие от этого безжалостного и жадного мира не научились маскировать свои действия всякими маневрами и прекраснозвучными фразами. А потому презрение к человеку и неприкрытая жадность к деньгам и власти у них проступают особенно явственно, что, естественно, вызывает ответные чувства.

Около ста шестидесяти тысяч индейцев навахо живут в резервации. Треть из них работоспособна. Из работоспо-

собных треть не имеет постоянного места работы. Могут ли они понять своих немногочисленных эмансипированных соплеменников! А с другой стороны, те, кто возлагает надежды на великий концерн «Навахо-нэйшн», убеждаются, что резервация не может существовать без подачек, поступающих в виде субсидий в основном от фирм, которые под прикрытием благотворительности ведут разработку полезных ископаемых и захватили в свои руки торговлю.

«Вы должны перестать жить»

Распутать этот клубок отношений очень трудно. Но кто же в этом виноват? Эти бестолковые индейцы не усвоили правил игры в прогресс! Некоторые зарабатывали вполне неплохо и могли бы жить лучше, но неразумные навахо кормили бедных родственников и никогда не захлопывали дверь перед соплеменником, просившим денег.

Навахо слишком чувствительны и легко ранимы. Если нужно подчиниться чужой воле, они предпочитают спасаться бегством. Шеф полицейского отряда, белый, рассказывал мне, что в течение года восемь из десяти нанятых им полисменов-индейцев оставили службу, «а через два года уже не было ни одного из них». Никто не хотел корчить из себя начальника или быть подчиненным. «Некоторые просто исчезают, даже не получив расчет». Что ж тут удивительного? Кто захочет, сидя в кустах, подкарауливать своих соплеменников и забирать у них деньги за малейшее нарушение правил, которые к тому же и не очень понятны.

Число самоубийств среди молодежи навахо в возрасте от 15 до 25 лет превышает общенациональный уровень в пять раз. Так называемая помощь, которую они получают, ведет лишь ко все большему обнищанию. Навахо оказались очень подвержены болезням — гипертония, диабет, заболевания сердца, кариес и выпадение зубов,— которых раньше они практически не знали.

Работа для навахо теряет свой главный смысл, так как не дает самостоятельности. То же и жизнь в резервации. Благотворительность унижает. И как следствие, все новые и новые психологические барьеры, преграждающие путь к какой-либо деятельности. Многие с горечью думают о себе как о бесполезных людях.

Образ жизни белого человека, каким они его наблюдают, индейцам чужд. Их отталкивает вещизм, бездуховная вера в технический прогресс, агрессивное поведение. Да и как может индеец навахо понять белого, если тот обращается с ним исключительно враждебно и презрительно? Если бы белые смогли отбросить предрассудки в отношении образа жизни и духовных ценностей навахо, учесть психологические различия и выказать нечто вроде симпатии и интереса к ним, то вполне вероятно... Впрочем, это такие же иллюзии, как и проект «Навахо-нэйшн», крупнейший концерн Соединенных Штатов.

Белые американцы поставили индейцев перед альтернативой: жри нашу культуру или подохни — мы и пальцем не пошевельнем, чтобы приблизиться к вам. Вы не можете предложить нам ничего, что имело бы для нас какую-то ценность. Вы от нас чего-то хотите, мы не хотим от вас ничего,и лучше бы вас не было совсем.

В начале нашего знакомства я мог бы сделать множество неверных суждений о своих индейских друзьях. Я никогда бы не понял, сколько в них любви и как богата их духовная жизнь, не проживи я с ними подольше.

Обычно же симпатия немногочисленных белых к индейцам проявляется в романтизации их жизни или в миссионерстве. И в том и в другом случае реального представления об индейцах получить невозможно.

Ночью, когда белые спят, индейцы все еще поют свои песни, и если они позволят белому при этом присутствовать, то у слушателя исчезнут всякие сомнения относительно того, позволят ли навахо совратить себя этому враждебно противостоящему миру. Нет!

Однажды старая индианка сказала мне:

— Эту землю, по которой мы все ходим, я зову матерью, потому что она дает жизнь. Она дает жизнь водой, растениями, огнем, воздухом. Когда приходят белые со своими бумагами и говорят, что они из земельного бюро, или какого-то водного учреждения, или из переселенческой организации и что земля, вода, растения принадлежат им, мы, навахо, не можем признать таких претензий.

В последние годы здесь все поперегородили проволокой и земля везде разрыта. Землю, священные растения перестали уважать, и это неуважение многое изменило. Весенние цветы и лечебные травы, что раньше всегда здесь росли, не приходят к нам больше. Кукуруза и овощи не успевают вызревать до наступления зимы.

Мы знаем и любим эту землю. И я останусь на этой земле, которую так люблю и так хорошо знаю. Матери-земле я отдаю дань уважения и в своем хогане, перед очагом. Там согревает меня огонь, и там я готовлю пищу для своей семьи. У огня есть голос, имя, своя песня и свое собственное заклинание. Мой хоган священен, и потому я не могу его оставить. В той постройке чуждой формы, которую белый человек называет домом, я не смогу жить счастливо и в гармонии. Нас толкают на глубочайшее несчастье. Нам как будто говорят: вы должны перестать жить...

Сокращенный перевод с немецкого
Г. ЛЕОНОВОЙ

Маунт Рут, маленький вокзал недалеко от поселка Мдантсана в южноафриканском бантустане[1] Сискей: полпятого утра, и темно, как ночью. Несколько сотен мужчин и женщин спешат к поездам — это рабочие, которые едут в порт Ист-Лондон, на фабрики и заводы, принадлежащие белым. Внезапно из темноты возникают солдаты и полицейские с автоматами образуют цепь вдоль шпал и преграждают дорогу.

— Пропустите нас! — кричат люди.— Если мы опоздаем, мы потеряем нашу работу...

Солдаты и полицейские реагируют совершенно неожиданно: они открывают огонь.

— Они без предупреждения стреляли в нас,— говорит Мириам Глуту.— Многие убиты. Рядом со мной остался лежать старик. Я бежала, боялась — убьют.

Это свидетельство записал юрист Нихолаус Хэйсом из университета Витватерсранд в Йоганнесбурге. Оно приведено в отчете о расследовании под названием «Править кнутом». Хэйсом провел расследование по собственной инициативе. Кровавые события в Сискее замалчивают и власти этого бантустана, и ЮАР.

В Сискее в день расстрела было объявлено чрезвычайное положение. Больницам и похоронным конторам запретили давать какие-либо сведения. В сообщениях южноафриканской прессы говорилось о 15 убитых. Но жители Мдантсаны сказали Хэйсому, что число убитых гораздо больше: морг был переполнен.

В расследовании приведены показания десятков людей, данные под присягой, и на их основании утверждается, что в столкновениях между силами безопасности и населением начиная с августа 1983 года было убито по крайней мере 90 человек.

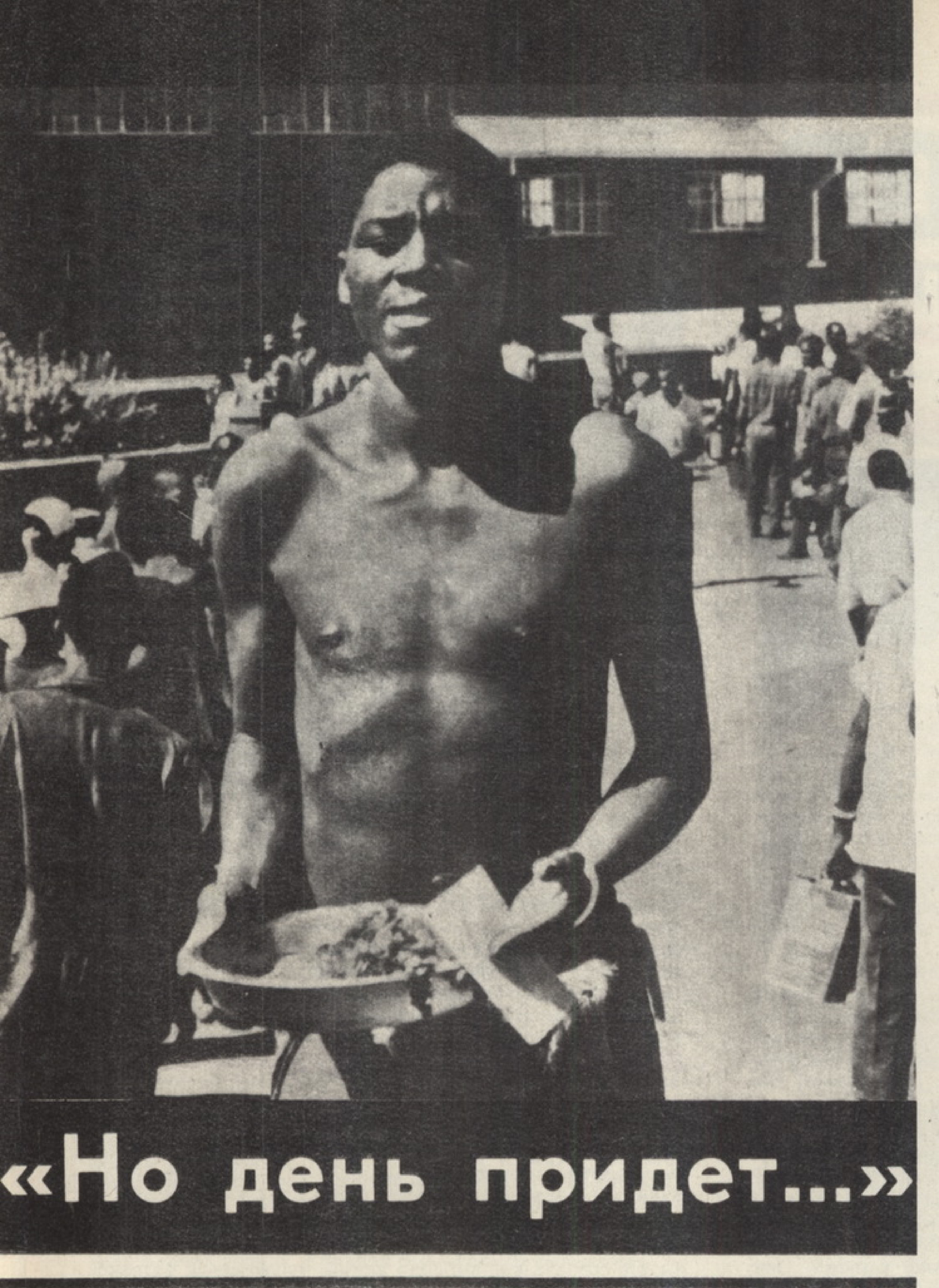
Уже много месяцев продолжаются убийства, аресты, пытки в «мини-государстве» Сискей, которое было объявлено Южной Африкой «независимой республикой» в 1981 году. Повод для репрессий — бойкот автобусов транспортной корпорации Сискея. Корпорация, наполовину принадлежащая властвующей верхушке Сискея, с 15 июля 1983 года повысила плату за проезд на 11 процентов.

Но бойкот автобусов — это больше чем протест против завышенной платы. Это восстание против коррумпированного режима, во главе которого стоит Ленокс Себе, недавно провозгласивший себя «пожизненным президентом».

Себе любит ордена, помпезные приемы, английские автомобили-люкс, а правит своими 670 тысячами поддан-

---

[1] *В основе политики апартеида, раздельного проживания рас, лежит бантустанизация — создание марионеточных государств (бантустанов), которыми «управляют» ставленники ЮАР.— Примеч. ред.*

«Но день придет...»

ных из народа коса кнутом без пряника. Он взял за основу жестокие законы о безопасности, не меняя ни слова, у расистской ЮАР. Каждый житель бантустана, например, может быть задержан без объявления причин на срок до 90 дней. Армия, полиция и руководящая верхушка Сискея обучены в Южной Африке, финансируются и контролируются оттуда.

Сискей, до сих пор не признанный ни одной страной мира, представляет собой голое, лишенное растительности нагорье на побережье Индийского океана. Тут нет ни полезных ископаемых, ни промышленности, едва развито сельское хозяйство. Бантустан экономически целиком зависит от ЮАР.

Единственное достояние бантустана — дешевая рабочая сила. Десятки тысяч черных каждый день выезжают на работу в «белые» Ист-Лондон и Порт-Элизабет. Но с тех пор как начался бойкот, сотни людей предпочитают пробегать каждый день до 30 километров, но не садиться в автобусы транспортной корпорации Сискея.

Ленокс Себе хотел сорвать бойкот любыми средствами: его полицейские блокировали вокзалы железной дороги, сооружали уличные заграждения и избивали тех, кто пытался проскользнуть через ограждение. Полицейские в форме и в штатском насильно загоняли мужчин, женщин и детей в автобусы. Рабочий Тэнкиз Браун говорит:

— Каждый день перед нами стоит вопрос, идти на работу и рисковать жизнью или дать себя уволить и остаться безработным.

Еще более жестоко, чем солдаты и полиция, действуют «зеленые береты» — ударный отряд «единой национальной независимой партии» Себе.

«Президент» Себе честно отрабатывает власть, которую ему вручило правительство ЮАР, из страха перед собственным народом он все время носит при себе пистолет. Он использовал бойкот для того, чтобы арестовать всех, кто внушал ему страх. Уже в первые дни после расстрела он запретил Союз объединенных африканских рабочих (ААВУ), который с самого начала был против фарса с независимостью. Квартиры активных профсоюзных деятелей подверглись обыскам, вожди рабочих арестованы.

В тюрьмах Сискея больше не хватает мест. Поэтому по чилийскому примеру стадион в Мдантсане превращен в концлагерь. Кабинки для переодевания переоборудованы в тюремные камеры и камеры пыток. Убийцы из «зеленых беретов» разместили на стадионе свою штаб-квартиру. Сотни захваченных, из которых самой молодой, по свидетельству очевидцев, была одиннадцатилетняя девочка, держали здесь от двух дней до двух недель. В маленькие кабинки набивали до 80 человек и не выпускали в туалет.

— Они вывели меня из дома и привезли на стадион,— говорит Вуусиле Мбало.— Они били меня пять дней подряд. Один раз они связали мне руки и подвесили к потолку. Целый час они стегали меня бичом, сменяя друг друга.

Священник Симон Хгугу попал в руки «зеленых беретов» за то, что читал молитвы на погребении убитых рабочих, и был доставлен на стадион, а там избит кнутом из кожи носорога. Он видел детей школьного возраста, которых «зеленые береты» заставляли бегать по кругу и петь песни в честь «президента» Себе. Только размахом репрессий отличается ситуация в Сискее от положения в других псевдонезависимых бантустанах на южноафриканской территории — в Транскее, Бопутатсване и Венде. Цель правительства — изгнать всех черных из Южной Африки. Только в Сискей были в прошедшие три года депортированы 350 тысяч африканцев, большей частью старики, женщины и дети. Они потеряли свое южноафриканское гражданство. Четыре бантустана служат резервуарами рабочей силы для экономики Южной Африки. Но черное население все решительнее сопротивляется попытке превратить их в иностранцев на собственной земле. Волнения, происходящие в Сискее, возможны повсюду.

— Мы, черные, еще не так сильны, чтобы оказывать настоящее давление,— заявил противник режима Нтахо Модлане,— но день придет.

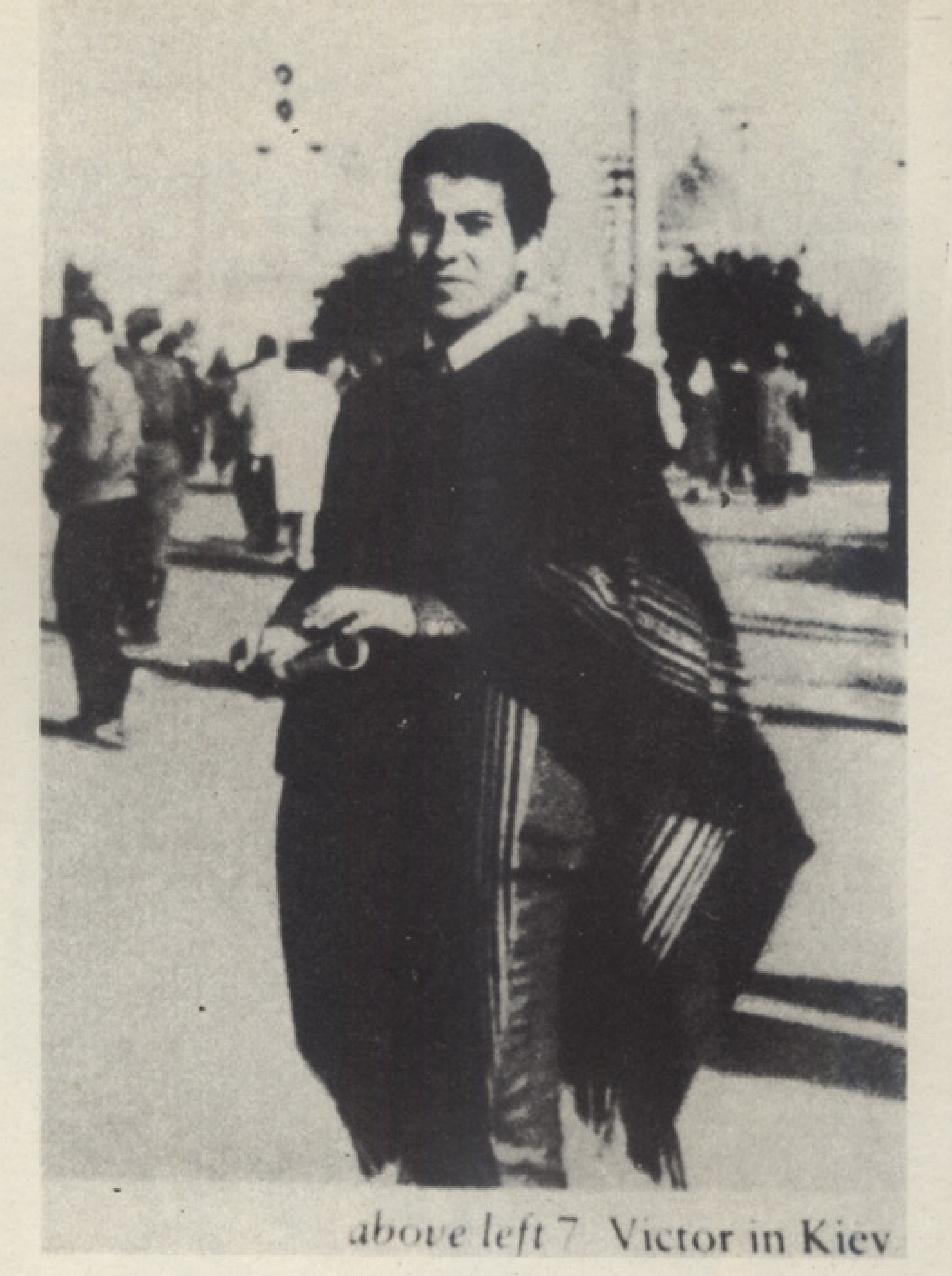
Более 20 миллионов черных — 80 процентов населения — остаются и дальше бесправными в государстве апартеида. Их изгнание и изоляция продолжаются...

Перевел с немецкого
А. ПОЛИКОВСКИЙ
(Журнал «Штерн», ФРГ)

ВИКТОР
ПРЕРВАННАЯ ПЕСНЯ

Джоан ХАРА

1961 год. Киев. Виктор выступал здесь в составе ансамбля «Кункумен».

Одним из ближайших друзей Виктора по театральной школе был Нельсон Вильягра (позже он стал прекрасным киноактером). Нельсон, темноволосый, симпатичный юноша, приехал из города Чильян, где у его семьи был свой клочок земли. Родители Нельсона были настоящие крестьяне, и Нельсон сразу почувствовал в Викторе своего.

Виктор в то время жил где придется, а Нельсону родители все же кое-что подбрасывали, и он снимал комнату. Они часто сидели без денег и вместо обеда ходили в парк Санта Лючия, где заглушали голод хлебом и молоком.

Они решили летом поехать к родителям Нельсона, чтобы «вдохнуть настоящей жизни». Виктор заявил, что надо взять с собой гитары (предложение это вряд ли пришлось по вкусу его партнеру, который едва мог бренчать), они организуют дуэт, будут выступать перед крестьянами и собирать богатый фольклор провинции Ньюбле.

Там, на невысоких, засеянных пшеницей холмах, началась новая глава в жизни Виктора, в которой заметную роль сыграл местный трубадур и горький пьяница по прозвищу Хосе-Крыса. Прозвище это он получил за своеобразное чувство юмора и способность жить в самых неприглядных обстоятельствах. Хосе был механиком и блуждал по району со своим комбайном и трактором, и фермеры по очереди нанимали его. Этот человек стал для Виктора и хозяином, и проводником. Опытный механик ценился в этих местах на вес золота, и обхаживали его всячески: за обедом лучшие куски и вина вдоволь, лишь бы не пил в рабочее время. Чего еще можно было желать от жизни? Ночевали в стогах, смотрели на звезды, рассказывали бесконечные истории. Между январем и мартом предполагалось обслужить около тридцати ферм, и на каждой после уборки закатывался праздник. Так что Виктор помогал Хосе-Крысе не только в работе, но и в еде, питье и веселье. Это была отличная база для фольклорных и социологических изысканий.

Нельсон замечал, какие в Викторе происходили перемены. Он сознательно выбирал друзей только среди батраков и старался уподобиться им и в одежде, и в манере поведения, а с владельцами ферм не имел ничего общего. Спустя шесть недель он уже ничем не походил на того щуплого городского парня, который не мог взвалить на плечи 80-килограммовый мешок или вязать снопы...

Вернувшись в Сантьяго, Виктор начал захаживать в кафе «Сан Пауло». Там обычно собирались люди творческих профессий, приходила и известнейшая художница и исполнительница народных песен Виолета Парра. Виолета была совершенно необычной для тех времен женщиной. Она одевалась просто, как крестьянка, волосы висели длинными прямыми прядями (тогда в моде были высокие сложные прически, и дамы часами просиживали в парикмахерских). Вместе со своими детьми, Изабелью и Анхелем, Виолета бродила по стране, собирая народные песни. Она пела так, как поют крестьяне, почти монотонно, и ее голос, и звуки ее гитары, казалось, росли из самой земли.

Виолета жила на окраине Сантьяго, возле самых гор. Виктор зачастил к ней, играл и пел песни, привезенные из провинции Ньюбле. Она познакомила его с сыном, Анхелем, и они подружились.

Продолжение. Начало см. в № 3 и 4 за 1984 год.

В «Сан Пауло» Виктор познакомился с группой молодых людей, которые занимались в балетной студии. Эти молодые люди организовали фольклорную группу «Кункумен», первыми взяв в название индейское слово (на языке индейцев мапуче это означает «журчащая вода»).

«Кункумен» выступал на митингах, демонстрациях, на торжествах по случаю Первого мая, в доме Пабло Неруды в день его рождения — там всегда собиралась масса народу. В 1957 году они записали свою первую долгоиграющую пластинку, и, хотя Виктор официально тогда еще не был членом группы, в эту пластинку вошла и одна песня в его исполнении — привезенная из Ньюбле песня о любви. Это была его первая запись.

Виолета высоко ценила музыкальность и артистический дар Виктора. Специально для него она написала две вещи в стиле народных рождественских песнопений. В 1958 году «Кункумен» выпустил альбом «Вильянсиос Чиленос», куда включили и эти песни.

В том же году Виктор вошел в состав «Кункумена». Они выступали в костюмах, которые носили хуасо, управляющие фермами: короткие куртки, пончо, сапоги с высокими каблуками и огромными шпорами. Позже под влиянием Виктора они стали исполнять танцы ганьянов, беднейших крестьян, и ботинки со шпорами заменили на ойотас, грубые сандалии Викторова детства. Танцы стали попроще, более земными, что ли, и это вызывало негодование тех, кто считал, что изображение бедности оскорбляет национальное достоинство.

Каждый год 18 и 19 сентября праздновался юбилей независимости страны. Люди богатые и изысканные бывали в те дни захвачены волной шовинизма и восторгались лженародными танцами и сентиментальными песнями, исполнявшимися коммерческими группами. Это был «фольклор для туристов», именно такой представляли эту землю ее владельцы: голубые небеса, преданные и элегантные пастухи, хорошенькие девушки и никаких проблем в самой прекрасной на свете стране.

Восемнадцатого сентября в парках Сантьяго, в каждом городке и деревне воздвигались фонды — огромные деревянные шалаши, крытые ветками эвкалипта, там ставили столики, прилавки с едой и выпивкой, громкоговорители изрыгали куэки, кумбио, танго и болеро. С потолка свешивались гирлянды бумажных флажков, вино лилось рекой, подавали темное пиво, смешанное с поджаренной мукой и сырыми яйцами, и эмпанадас — пироги с мясом.

Вечером на земле среди мусора сидели парочки, а в фондах танцевали популярный народный танец куэку. Женщины кокетливо и робко прикрывались носовыми платками, а мужчины, страшно звеня шпорами, заложив за спину руки, топали каблуками, отскакивали, наступали по-петушиному и, конечно, выходили победителями в любовном поединке. Такой была куэка центральных районов, куэка богатых хуасо. Южнее, где крестьяне были беднее и где лучше помнили о своих корнях, в танцах было больше равенства.

В 1958 и 1959 годах Виолета Парра строила в парке Кусиньо свою собственную фонду, и сюда приходили люди, заинтересованные в настоящем фольклоре. Пели Виолета, Виктор, один и с «Кункуменом», многие другие. И все же главным для Виктора в то время был театр.

В театральной школе у Виктора был друг. Звали его Алехандро Сивекинг, он считался талантливым драматургом, несколько его пьес даже поставили профессиональные театры. Алехандро был похож на гринго: высокий, худой, он носил очки и говорил, забавно растягивая слова. И хотя он происходил совсем из другой среды, вкусы у них с Виктором были схожими.

Подходило время выпускных экзаменов, и вместо того, чтобы разойтись по разным театрам, студенты решили остаться вместе еще на год, организовать свою независимую маленькую труппу. Они все хотели делать сами — ставить собственные пьесы, делать декорации, костюмы и путешествовать по маленьким городкам, куда не добирались большие театры со своими громоздкими постановками...

К сентябрьскому студенческому фестивалю Виктор предложил Алехандро написать небольшую пьесу, в которой бы участвовало всего четыре действующих лица и все происходило бы в одной комнате: «А я берусь это дело поставить...» Пьеса была написана за неделю и называлась «Что-то похожее на счастье». Начались репетиции.

Для Виктора это был первый режиссерский опыт. Времени на серьезную разработку и анализ не было — до фестиваля оставался всего месяц,— но он положился на свой талант, понимание и знание тонкостей человеческого общения. У Алехандро тоже была роль в пьесе, и он потом вспоминал: «Виктор заставлял нас раскрывать в себе самые неожиданные способности, неожиданные даже для нас самих. Он вел нас за собой, но при этом мы не испытывали никакого режиссерского давления: он делал все так, будто мы сами приходили к решению...»

Впервые я увидела пьесу в маленьком «Театро Лекс» и была поражена. Обычно местные, чилийские, постановки заставляли меня остро тосковать по дому. На этот раз я вовсе не испытывала тоски. Все в этой постановке — актерская игра, декорации, движение, темп — было отличным. Пьеса прошла с огромным успехом, среди театралов пошли слухи, и публика рвалась на спектакль.

Именно тогда Виктор решил изучать режиссуру. На мой взгляд, это было героическое решение: опять начинать все сначала. Никаких скидок на то, что он уже окончил курс как актер, и актер талантливый, не делалось. И все равно в 1960 году он поступил на режиссерское отделение.

Примерно в то же время состоялась премьера балета «Калаукан». Виктор был восхищен работой Патрисио, и, хотя уже видел меня в роли Женщины в красном в балете «Кармина Бурана», мое исполнение Матери настолько его захватило, что он стал моим верным поклонником. Он попросил разрешения присутствовать на репетициях, чтобы посмотреть, как мы работаем: тихонько сидел в уголке, наблюдал, изредка перебрасывался словом-другим с Патрисио, со мной вообще не разговаривал.

В то долгое и несчастливое для меня лето, когда я ждала Мануэлу, студенческий театр отправился на гастроли в Буэнос-Айрес и Монтевидео. «Что-то похожее на счастье» имело там огромный успех. То же было и во время гастролей в Мексике, Коста-Рике, Гватемале, Венесуэле, Колумбии... И на Кубе.

Прошел всего лишь год, как отзвуки кубинской революции всколыхнули всю Латинскую Америку, и можно себе представить, как труппа ждала этой поездки. Они были на Кубе две или три недели и видели, какими бешеными темпами идут перемены, как быстро строится новая жизнь. Среди них Виктор был, пожалуй, наиболее политически грамотным, он задавал массу вопросов, завел много друзей.

Для Виктора и Эрнана, менеджера труппы, организовали встречу с Фиделем Кастро. Они пришли в какое-то министерство, их попросили подождать, так как Фидель был в тот момент на митинге. Они прождали около часа, и, когда совсем уж потеряли надежду, открылась дверь и к ним вышел молодой человек в военной форме. Он улыбнулся и сказал: «Я вынужден извиниться. Фиделя вызвали по неотложному делу, но, если хотите, можете поговорить со мной, я постараюсь ответить на любые ваши вопросы. Меня зовут Гевара, по прозвищу Че...»

Встреча

Ярким весенним утром в октябре 1960 года я шла по улице Урфанос, намереваясь купить себе новое платье. Я начала понемногу выходить из того физического и нервного упадка, в который ввергло меня расставание с Патрисио, и приобретение нового платья было частью кампании, призванной поднять настроение. Мои подружки надавали мне массу ценных советов: я должна сходить к парикмахеру, сделать маникюр, посетить косметический салон и все такое прочее...

Я честно пыталась. Я обрезала волосы и сделала модную прическу. Выглядело это ужасно. Тем не менее в то утро я отправилась на поиски роскошного вечернего платья, ибо в связи с программой новой жизни одна из моих подружек пригласила меня провести вечер в компании элегантных молодых людей... Платье я купила и решила зайти в кафе «Сан Пауло» выпить кофе.

В кафе было сумрачно, я огляделась, знакомых не увидела, только за одним из столиков сидел Виктор Хара и читал какую-то книгу. Он приветливо улыбнулся и помахал рукой. Я сдержанно кивнула в ответ и уселась за другой столик (но

через плечо все же глянула — не мне ли это он машет?). Допив кофе, я вышла на уже расплавившуюся от жары улицу. Виктор догнал меня, поздоровался, спросил, как я себя чувствую и когда снова начну работать. Я рассказала ему о своей покупке, и он заявил, что нечего идти на великосветское мероприятие, а лучше провести этот вечер с ним.

Виктор показался мне очень добрым, с ним легко было болтать, но я вовсе не принимала его всерьез. Я ничего не знала о нем, кроме того, что он был очень одаренным студентом и принадлежал к более молодому поколению. А я была тридцатилетней женщиной «с прошлым»: неудачным браком и карьерой балерины.

Потом Виктор пару раз снова «случайно» встретил меня, и вот в ноябре мы отправились на художественную выставку под открытым небом на набережной реки Мапочо: профессиональные художники и скульпторы выставляли свои работы вместе с народными художниками, ремесленниками и гончарами.

Толпы людей толкались возле прилавков и витрин, стремясь увидеть хорошие, плохие и никакие рисунки, фотографии, ювелирные украшения, скульптуры, вышивки и керамику. Здесь были яркие бабочки, ангелы и цветы, сплетенные из конского волоса крестьянами Рари; толстенькие, лоснящиеся терракотовые фигурки поросят и гитаристов из Кинчамали, домотканые пончо и одеяла с севера и юга. В воздухе пахло дымом, жареным луком, с прилавков продавали пирожки и красное вино. Я увидела Виолету Парра, она сидела в старом шезлонге в окружении своих гобеленов, детей и музыкальных инструментов. В свете электрических лампочек по гобеленам Виолеты причудливо пробегали тени. Виктор подошел к ней, они начали болтать о чем-то, шутить, рядом кто-то наигрывал на гитаре и пел.

Мы возвращались домой, устав от толпы и шума; там, под огромными деревьями парка Форестал, Виктор взял меня за руку. Так все и началось.

Сначала все было очень сложно. Мы оба боялись боли. Виктор боялся, что он для меня проходящее увлечение: он впервые в жизни влюбился по-настоящему. Он был очень чутким человеком, прекрасно видел, в каком я состоянии, и хотел, чтобы наши отношения были нежными и честными. Он хотел, чтобы я стала сама собой, освободилась от болезненных ощущений прошлого. Я же была колючая как еж, настроение менялось по сто раз на день, то я готова была броситься к нему, через минуту — прогнать его навсегда. Несмотря на свой возраст, я была очень инфантильна.

Прошли весна, лето. Приближался Новый год. Виктор пригласил меня отпраздновать его со своими товарищами по театральной школе. Так я впервые встретилась с ними не как педагог, а как «компаньера» Виктора.

На этом вечере Виктор пел. Его долго упрашивали, наконец он согласился. Он пел чилийские народные песни, я их не знала — это были песни, которые он вывез из провинции Ньюбле, и аргентинские песни. Услышав, как он поет, я перестала сопротивляться: я поняла, что люблю его окончательно и бесповоротно.

Я пыталась вернуться к работе, но очень болела спина. Врач сказал, что я должна провести лето в «подвешенном» состоянии: кровать поставили под углом, на ноги прикрепили мешочки с песком. Было ужасно трудно, мне казалось, будто я растягиваюсь, как жевательная резинка. Все мои знакомые разъехались — кто к морю, кто в горы, а я висела в одуряющем летнем пекле и видела перед собой лишь старый кедр да фуникулер, взбиравшийся на гору святого Кристобаля. Каждый день приходил Виктор — театральная школа закрылась на каникулы, а вечерами он отправлялся репетировать с «Кункуменом». Он стал официальным режиссером группы, и они готовились к предстоявшему в июне турне по Европе. Оно должно было продлиться пять месяцев.

Виктор уезжал 30 мая, и накануне его друзья из квартала Ногалес устроили проводы. Пригласили и меня. Я очень волновалась — больше, чем когда меня приглашали на обеды в аристократические дома, даже больше, чем перед встречей с Пабло Нерудой. На «зайце» — маленьком автобусе, водитель которого был явно одержим манией самоубийства, мы домчались до Пила де Гансо, а там пересели в другой автобус, древний и неповоротливый, ехали мимо газовых колонок, железной дороги, складов.

Это было вечером, в субботу, уже темнело, фонари попадались все реже и реже, и когда мы вылезли из автобуса, я инстинктивно схватила Виктора за руку: все вокруг казалось зловещим, меня раньше предупреждали не заходить в подобные места, особенно когда стемнеет. Виктор осторожно провел меня по мосту к небольшому домику на другой стороне канала. Моргадо встречали нас на пороге: Хулио, Умберто, их сестры и подружки. Комната была небольшой, и всю ее занимали два сдвинутых вместе стола. Была здесь еще швейная машинка, комод, а на стене на самом почетном месте висела свадебная фотография дона Педро и доньи Лидии (дон Педро за несколько месяцев до этого умер).

Я уже плохо помню все, что происходило на той вечеринке, помню только, что было очень шумно, помню маленьких детей, которые крутились под ногами и которых невозможно было загнать в постель, пока они сами не уснули вповалку в соседней комнатенке. Помню, что у Хулио было отличное чувство юмора и все подшучивали над ним, но он явно был болен, ему следовало бы лежать в больнице, а не сидеть за рулем доставшегося по наследству от дона Педро грузовичка. Но делать нечего: грузовичок был основным средством дохода для семьи. Люди веселились, шутили, но видно было, что живется им очень несладко, и тем поразительней была их щедрость: ведь на вечеринке надо было напоить и накормить массу народа.

Виктор пел под гитару один и вместе со всеми, потом все танцевали ча-ча-ча, танго. Я в первый и последний раз в жизни видела Виктора пьяным: отказаться выпить с этими прекрасными людьми значило оскорбить их.

Виктор ввел меня в совершенно новый мир, и в этом мире меня приняли как равную, как сестру. Я больше не чувствовала себя отрезанной от людей: у меня появилась новая семья.

А через два дня я снова осталась одна: Виктор уехал с ансамблем в Европу. Я нервничала, ждала писем.

Из писем Виктора Джоан

«1 июля, Чехословакия

...Первый концерт мы дали неподалеку от знаменитых источников Бойнице, и после концерта нас повели в купальню. Вода здесь теплая, мы плавали, потом нам сделали массаж. Мы почувствовали себя как новенькие. Нас пригласили на ужин, мы пили пиво, потом пели, и кончилось все танцами. Мы танцевали народные словацкие танцы — надо быстро-быстро вертеться на одном месте, прямо как волчок. Словаки очень похожи на нас, они гостеприимные, веселые, жизнерадостные.

Этот район богат народными традициями. На улицах словацких городков я встречал крестьян в очень богатых народных костюмах. Я останавливал на улицах крестьянок и просил разрешения сфотографировать их. Сначала они немного стеснялись, но когда понимали, что перед ними друг, становились очень приветливыми. Возьмешь ее за руку — и она погладит тебя своей твердой ладонью, и чувствуешь, какие у нее мозоли, женщинам ведь тоже приходится работать в поле. Ты же знаешь, я очень сентиментальный человек, и иногда мне даже хотелось плакать, такую теплоту и понимание я чувствовал, хоть мы и говорили на разных языках.

Тысяча поцелуев Мануэлите. А тебе — вся моя любовь и вся моя жизнь...»

«18 августа, Ленинград

...В каждом городе мы даем по четыре-пять представлений, и еще остаются день-два на театры, музеи, экскурсии. Дорогая, я потрясен Советским Союзом... Я многое слышал, но увидеть все своими глазами — это совсем не то, что читать...

Я счастлив, что ты прогрессируешь как балерина; твое мужество, терпение и постоянство восхищают меня... Я думаю, что, когда вернусь, ты найдешь во мне какие-то перемены, но моя любовь к тебе будет неизменной, вернее, я буду любить тебя еще больше...

Что же касается жизни здесь, я пытаюсь ее понять и хочу, чтобы и меня поняли как можно лучше. Русские учат нас искусству жить вместе. Есть в них какая-то духовная стой-

кость, они кажутся безмятежными, добрыми и твердыми одновременно. Я бы хотел быть таким, как они, и чтобы мною руководила такая же убежденность. Я знаю, как это трудно...

Русские люди фантастические; они очень здорово к нам относятся, вовсе не враждебны, и вообще все встречи кончаются тем, что они целуют нас на прощанье. Они очень открытые и ласковые. До сих пор я не встречал здесь ни одного одержимого идеей захвата хоть чего-нибудь. Здесь каждый человек излучает мир и дружелюбие, я говорю о самых простых людях, которых встречаешь на улице. Если б подобные вещи исходили только от тех, кто встречается с нами официально, можно было бы подумать, что это дипломатия, но это не так, здесь все такие.

Вчера мы ночным поездом уезжали из Москвы в Ленинград. Это было изумительное путешествие: и потому, что мы перезнакомились с попутчиками, и из-за того, что я увидел на вокзале в Москве. Здесь была масса людей: мужчины, женщины, дети, они ждали поездов. Один переводчик сказал, что мы скоро к этому привыкнем, мы будем видеть это на каждом вокзале. И верно: то же мы увидели и в Ленинграде. Эти русские прямо одержимы манией путешествий. Они приезжают в Москву только на день — поглядеть на Мавзолей Ленина, а сама дорога занимает порой дня два. И все же они едут: с детьми, корзинами и всеми своими родственниками, включая бабушку. В этом смысле они очень похожи на нас...»

«7 сентября, Одесса

...Здесь у меня было приключение, которое я никогда не забуду. Часов в девять вечера я пошел погулять, шел вдоль моря и вдруг услышал аплодисменты. На берегу стоял летний театр, там шло какое-то эстрадное представление. Я хотел купить билет, но оказалось, все уже проданы. Мне все ж таки было очень интересно, и я пошел дальше вдоль стены. Там стояли люди, они приспособили зеркала, чтобы видеть, что происходит за забором, я тоже попытался, но у меня ничего не получилось. Чуть поодаль я увидел большое дерево, на ветвях сидели люди и смотрели представление. Я только собрался влезть, как зажегся свет, антракт, и люди быстренько попрыгали вниз. Свет погас, и я тоже влез на дерево еще с пятью русскими. Естественно, как только мы устроились на ветке, они начали болтать со мной по-русски, но я ничего, конечно, не понимал. Сначала они думали, что я просто валяю дурака, но, когда поняли, что я действительно не русский, стали спрашивать, откуда я приехал. С помощью немногих известных мне русских слов я объяснил, что я из Чили, что Чили находится в Южной Америке и что я приехал сюда с ансамблем народной песни и танца. Они начали смеяться и поздравлять меня с тем, что я, хоть иностранец и сам артист, сижу тут с ними на дереве. Они тут же уступили мне лучшую ветку и все спрашивали, хорошо ли мне видно, удобно ли, и похлопывали по спине. Когда концерт кончился, они помогли мне слезть с дерева и еще долго стояли и шутили по поводу моего появления. Когда они спросили меня, почему я не обратился в кассу и не попросил выделить мне специальный пропуск — ведь я сам был зарубежным гастролером, я сказал, что хотел быть как все и, как все, смотреть с дерева. Они засмеялись, обняли меня и сказали: «Ты отличный товарищ». С двумя из них, Владимиром и Петром, мы подружились и виделись потом каждый день. Они оба женаты, у одного двое, у другого трое детей, они живут в Харькове, городе на севере Украины, и работают на тракторном заводе. В Одессу они приехали в отпуск. Конечно, я пригласил их на наш концерт, и он им очень понравился. Они очень хорошие люди, такие уверенные в себе и в то же время очень простые и здоровые. Они принимают тебя таким, какой ты есть, и ты чувствуешь, что ты такой же, как и они. Они очень озабочены ситуацией в Латинской Америке и все расспрашивали меня о положении рабочего класса в Чили...»

«28 сентября, Ашхабад

Любимая моя, сегодня, в день моего рождения, я счастливейший человек на свете, потому что сегодня получил замечательный подарок: сразу четыре твоих письма и две фотографии самых любимых на свете людей — твою и Мануэлиты... Вечером я перечитал твои письма и расстроился.

Во-первых, ты пишешь, чтобы я не идеализировал тебя, что в тебе нет тех человеческих качеств, которые необходимы для компаньеры коммуниста, что я должен знать, что ты не очень общительный человек; что ты не очень доверяешь идеалистам и что тебя пугают те, кто пришел к коммунизму «интеллектуальным» путем.

Как мне ответить тебе, моя любовь, чтобы ты правильно поняла меня? Я никогда не говорил, что идеализирую тебя. Я просто тебя люблю, и, узнав тебя лучше, твои сильные и слабые стороны, я стал любить тебя еще больше. Не думай, что я слеп, что я воздвигаю тебя на пьедестал. Я люблю тебя больше сердцем, чем головой, потому что ты, какая ты есть,— часть меня самого, и ты для меня — все. Я верю, что любовь — это взаимопонимание, взаимное приятие двух людей; любовь есть то, чем мы помогаем жить друг другу. И еще, я люблю тебя так сильно, что для меня счастьем будет сделать счастливой твою дорогу, какую бы мы ни выбрали.

И тут мы подходим ко второму вопросу: если я выбрал дорогу коммунизма, почему же она несовместима с моей любовью к тебе? Я вовсе не требую от тебя, моя любовь, чтобы и ты тоже стала коммунистом! Мы не можем заставлять даже близких нам людей думать так же, как мы. Должен сказать, что я рад уже хотя бы тому, что ты не католичка, что твои страдания сделали из тебя великую женщину, способную быть настоящим другом и матерью и способную, несмотря на прежние разочарования, любить меня. Пожалуйста, не думай, что я презираю всех некоммунистов. Все люди — люди, и коммунист должен прежде всего понимать именно это, ибо именно это лежит в основе его принципов. Быть активным коммунистом — это не значит отгородиться от всего и все забросить. Нет, дорогая, мне многое предстоит сделать как коммунисту, но эта моя работа находится в прямой связи с моей работой в театре.

Интересно, какой это есть в тебе такой роковой дефект, который мешает нам быть вместе, уж если мы оба человеческие существа? Я не Иисус Христос и не отправлюсь читать Нагорную проповедь. Я просто хочу уходить на работу, попрощавшись с тобой, и, вернувшись вечером, говорить тебе «здравствуй».

Ты пишешь, что боишься идеалистов. Должен сказать, что я сам боюсь такого рода людей. Но что касается меня, то ты знаешь мою семью, ты знаешь, в какой обстановке я вырос, и ты сама понимаешь, что я знаю настоящую нищету. Я не могу жить в выдуманном мире. И мой идеал как коммуниста заключается в следующем: если люди будут жить в государстве, которое действительно принадлежит народу, они будут счастливы. Я буду изо всех сил работать ради этого, но я также всегда буду видеть и землю у себя под ногами, и людей, которые идут рядом со мной.

Не бойся, моя любовь. Единственное, чего стоит нам бояться,— неумения заглянуть друг в друга и найти простоту и ясность. Что же касается опасности чрезмерного интеллектуализма, умозрительности, то должен признаться, что я недостаточно холоден для этого. Ты знаешь меня и должна понимать, что я не способен на холодные размышления. Я живу скорее сердцем, чем умом. Я пришел к коммунизму не путем холодных размышлений, более того, я даже еще не считаю себя настоящим коммунистом.

Ты знаешь, что все мое прошлое помогло мне очень глубоко почувствовать надежды и проблемы бедняков: я слишком хорошо знаю мир, в котором они живут. И я не могу холодно смотреть на эту жизнь — иначе это был бы не я. Я не могу проститься с семьей Моргадо, с Хуанито и всеми друзьями моего детства — это значило бы предать все, что дала мне мать. Я должен помочь им. Я должен бороться ради них, чтобы они сами понимали все яснее и могли, я надеюсь, увидеть лучший мир. И я верю, что ты поймешь меня и будешь помогать мне так, как ты помогала мне прежде. Любимая, ты со мной — и жизнь моя полна, а если ты уйдешь, я потеряю крылья...»

Продолжение следует

Сокращенный перевод с английского
Н. РУДНИЦКОЙ

О ЧЕМ МЕЧТАЮТ. 17 месяцев длилась экспедиция в Амазонии, самом малоисследованном районе Земли. «Зеленый ад» — так называют ее специалисты. Но именно о путешествии по Амазонке мечтал Жак-Ив Кусто с детства. Мечта исполнилась в 73 года. Знаменитый исследователь готовил экспедицию во всеоружии знаний и опыта; океаническое и речное суда, судно на воздушной подушке, моторные и гребные лодки, каноэ, гидросамолет, вертолет, автомобиль с шестью ведущими колесами и «джип». И все же: «бывало, что каждый метр пути казался последним»,— говорит Кусто. Тысячи километров пути, ценнейшая информация и великолепные снимки. Как, например, этот, где Жак-Ив Кусто и его сын Жан-Мишель купаются с огромной выдрой, тоже членом экспедиции. Ее задача охранять купальщиков от водных агрессоров — пираний, которые стали излюбленным блюдом выдры.

ТАКОЕ ВОТ НЕ-КИНО... Вы, наверное, видели подобные сцены в зарубежных кинофильмах: полицейские обводят мелом контуры тела убитого и отправляются искать убийцу. Это — сцена из жизни, и тем она страшнее. В такие игры играют дети сицилийского города Палермо, а все дети на всем белом свете, как известно, играют во взрослую жизнь. Дети Палермо играют в полицейских и жертв мафии, кровавый разгул которой достиг в последнее время чудовищных размеров: только в прошлом году в городе было убито 150 человек. И разыскать убийц реальным полицейским куда труднее, чем их «киношным» коллегам. Все верно: государство пытается бороться с мафией. Но чего стоят эти попытки, об этом вы наверняка знаете из многочисленных итальянских фильмов. А жизнь еще страшнее.

ДРУЖНЫЕ ЗВЕЗДЫ. Когда Франс Вебер пригласил сразу две звезды — Пьера Ришара и Жерара Депардье,— он, конечно, предвидел «жаркие» съемки. Дело даже не в том, что действие нового фильма («Ловкачи») проходит в пустыне Мавритании: просто режиссер привык, что «звезды» завистливы, а на съемках готовы доконать картину, лишь бы досадить сопернику. Но дуэт обещал большой кассовый сбор. И, собравшись с духом, Вебер приступил к съемкам. Но вот чудо! «Высокий блондин» и «Большой Жерар» (рост — 180 сантиметров — единственное их сходство) прекрасно поладили. И более того — подружились.

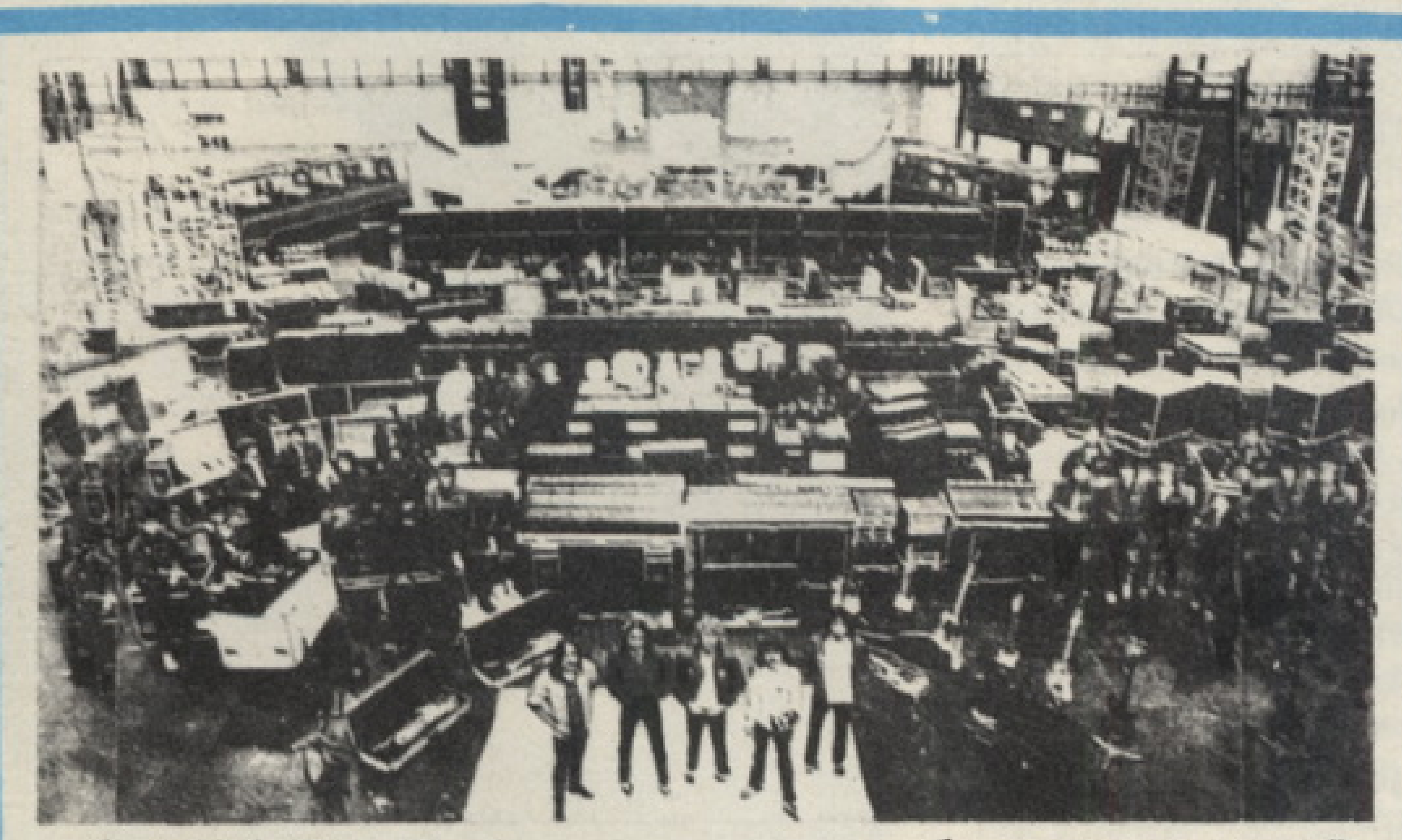
ДИЗАЙН ДЛЯ МАКАРОН. Вот такие макароны в стиле неомодерн (как утверждают знатоки) изобрел Жоржетто Жужаро, специалист по промышленной эстетике, по заказу миланского коммерсанта Марио Нервенья. Неомакароны украсили обложки итальянских журналов и даже меню некоторых миланских ресторанов. Скептики считают, что итальянцы не примут неомодерн в макаронах, поскольку до фанатизма преданы традиционным спагетти. Но Нервенья предполагает выпустить 97 новых форм в соответствии с традициями каждой области и района Италии — «такой своеобразный этнографический справочник», говорит он. Гордость изобретателя — спагетти в форме граммофона. А это уже ретро.

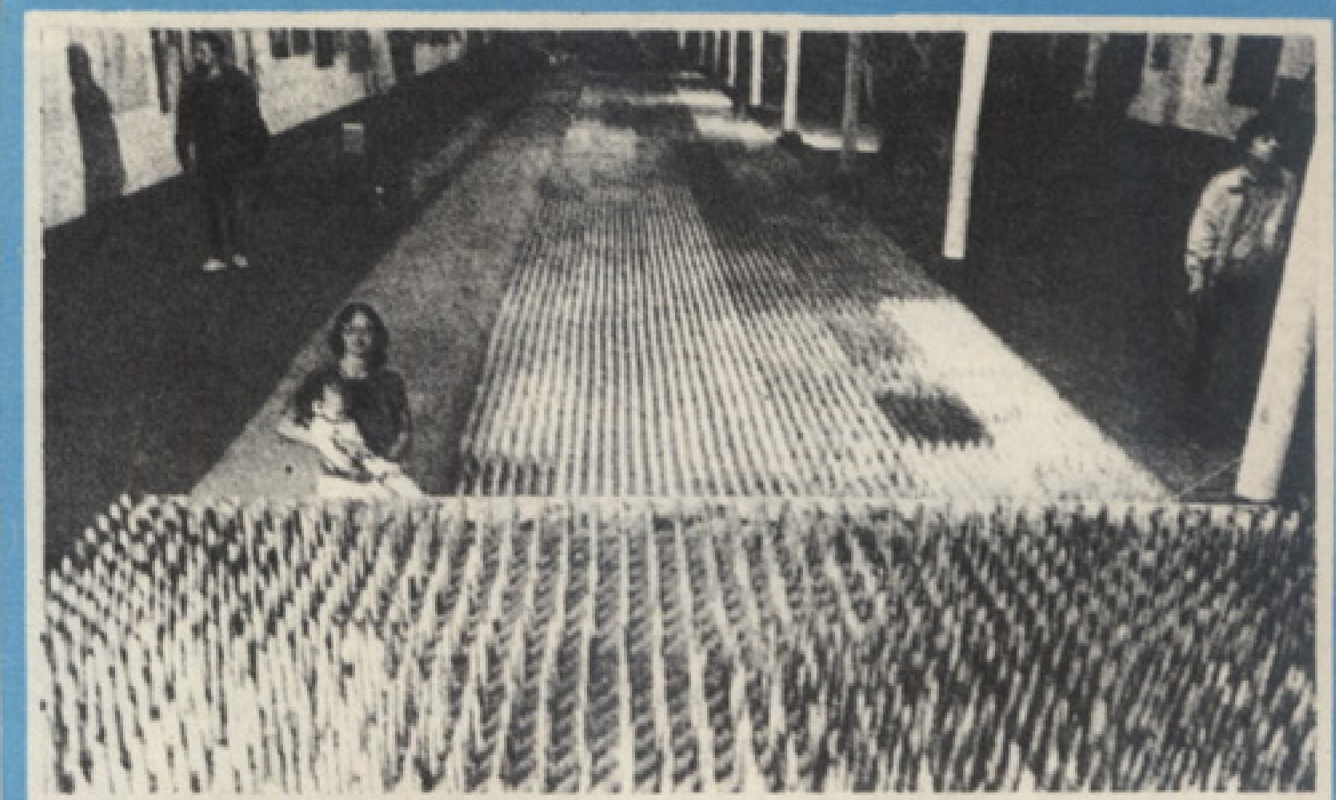

СОЛНЕЧНЫЙ ТИХОХОД. Через всю Австралию от побережья Индийского океана до Тихого (то есть более четырех тысяч километров) прошел «солнцемобиль», названный изобретателями длинно, но точно «Тише едешь — дальше будешь». Изобретатели: Ганс Толстрюп, профессиональный искатель приключений, он пересекал на лодке океаны и облетел вокруг земного шара на одноместном самолете; Гэри Перкинс, инженер; его брат Лэрри, автогонщик. Впрочем, гонщику его навыки не понадобились: средняя скорость «солнцемобиля» 25 километров в час. Тем не менее команде «Тише едешь — дальше будешь» удалось перекрыть один рекорд: на весь маршрут ей потребовалось двадцать дней, что на восемь дней меньше, чем тому путешественнику, который проделал этот путь в обыкновенном автомобиле в... 1912 году.

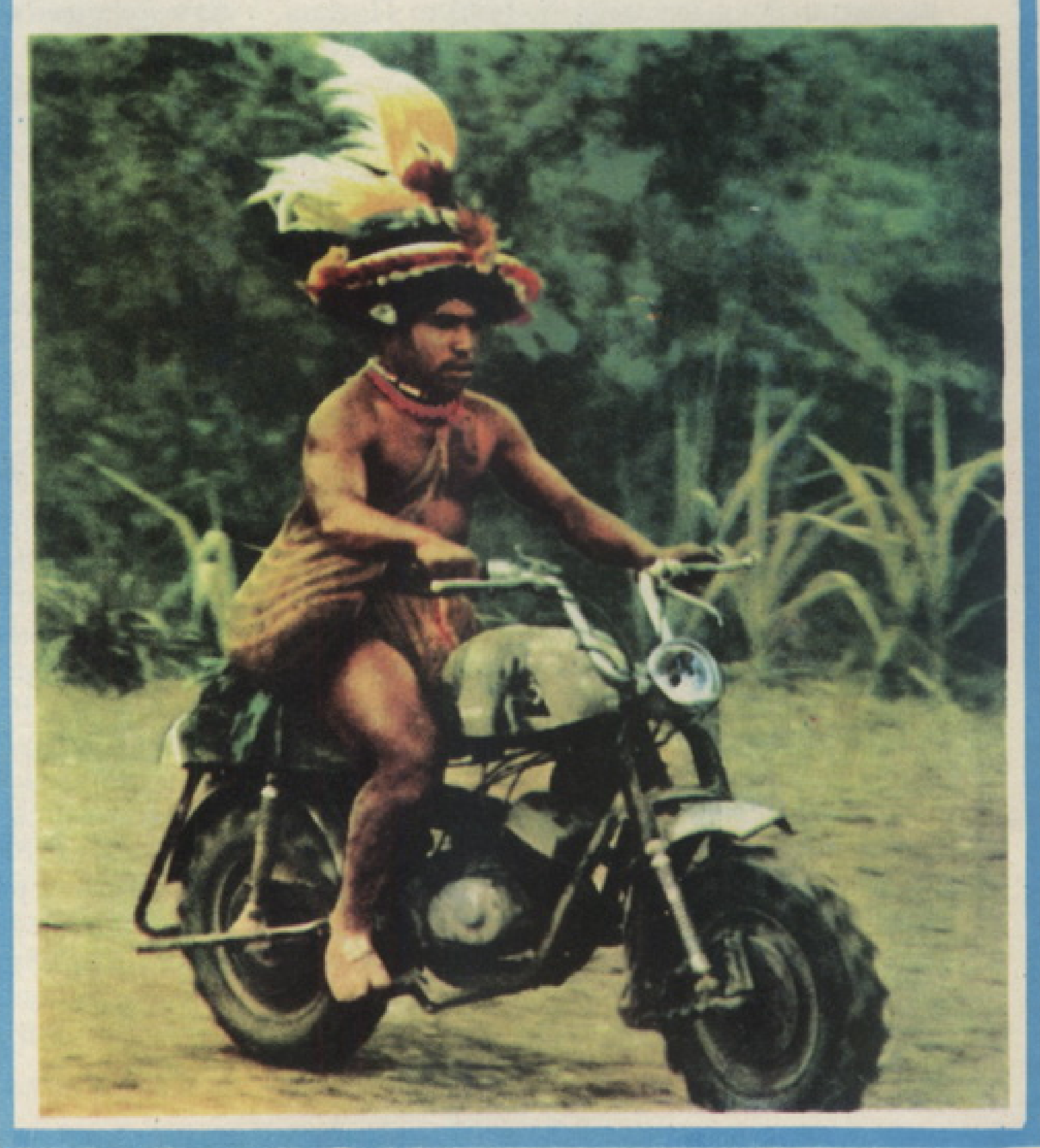

СТАТУС-КВО. Свой путь в мире шоу-бизнеса эта английская группа начала семнадцать лет назад. Тогда пятеро молодых музыкантов кочевали с концерта на концерт в скромном пикапе. Теперь ветеранам рока для перевозки багажа требуются уже три грузовых автомобиля и два автобуса. Стоимость концертного оборудования — полмиллиона фунтов стерлингов. За вечер расходуется 500 тысяч ватт электроэнергии. «Рабочее место» для музыкантов в течение пяти часов подготавливают 30 специалистов. На Олимпе все тесней, отовсюду поджимают конкуренты. Для сохранения статус-кво на музыкальном рынке в бой идет техника.

РАКЕТЫ ПРОТИВ РАКЕТ. Как представить 35 тысяч американских ядерных ракет, в любой момент готовых уничтожить жизнь на всем земном шаре? Как от цифр и абстракций, оставляющих сердце холодным, перейти к осознанному чувству опасности, как внушить каждому мысль об ответственности за мир? Этим проблемам была посвящена выставка «Художники за ядерное разоружение», прошедшая в Нью-Йорке. Известная художница Барбара Доначи выставила 35 тысяч миниатюрных ракет из глины. «В Америке люди слабо представляют, какую опасность мы несем миру,— говорит художница.— Только за время поездки по Европе я увидела в людях страх войны. Этими ракетами из глины я хочу пробудить в моих соотечественниках воображение: пусть почувствуют весь ужас настоящих ракет, пусть поймут необходимость борьбы...»

ИЗДЕРЖКИ И ДОСТИЖЕНИЯ ПРОГРЕССА. Жители Папуа—Новой Гвинеи не росли рядом с умопотрясающими открытиями и изобретениями XX века, они столкнулись с ними неожиданно для себя. Ведь многие труднодоступные районы острова были открыты для остального мира только в 30-х годах нашего столетия, а живущие в них папуасы впервые в жизни увидели колесо — под крылом самолета. Но достижения и издержки нашей цивилизации врываются в их быт. На острове появились замки, а значит, и воры (явление невозможное по этическим нормам жителей острова), болезни, религиозные распри, парламент, на дверях которого висит транспарант: «Каждый входящий обязан сдать оружие, в том числе топор, лук и стрелы»... Ну а достижения? Вожди племени общаются с подданными через мегафон, а гонцов с известием к соседям посылают на мотоцикле. А вот как быть с костюмом? Это достижение цивилизации в тропическом климате, наверное, правильнее отнести к ее издержкам.

«Унестись до звезды»

Алла ГРАЧЕВА

«Я испытываю четкое ощущение, что хорошо поработал. Не могу сказать, что достиг того, что хотел, вовсе нет, ни в коей мере, но я честно трудился...»

«Я стремился запечатлеть все золотые искры нашей души...»

В этих двух фразах — весь Миро, испанский художник, неутомимый творец, одержимый живописью и плодотворно работавший до последнего вздоха.

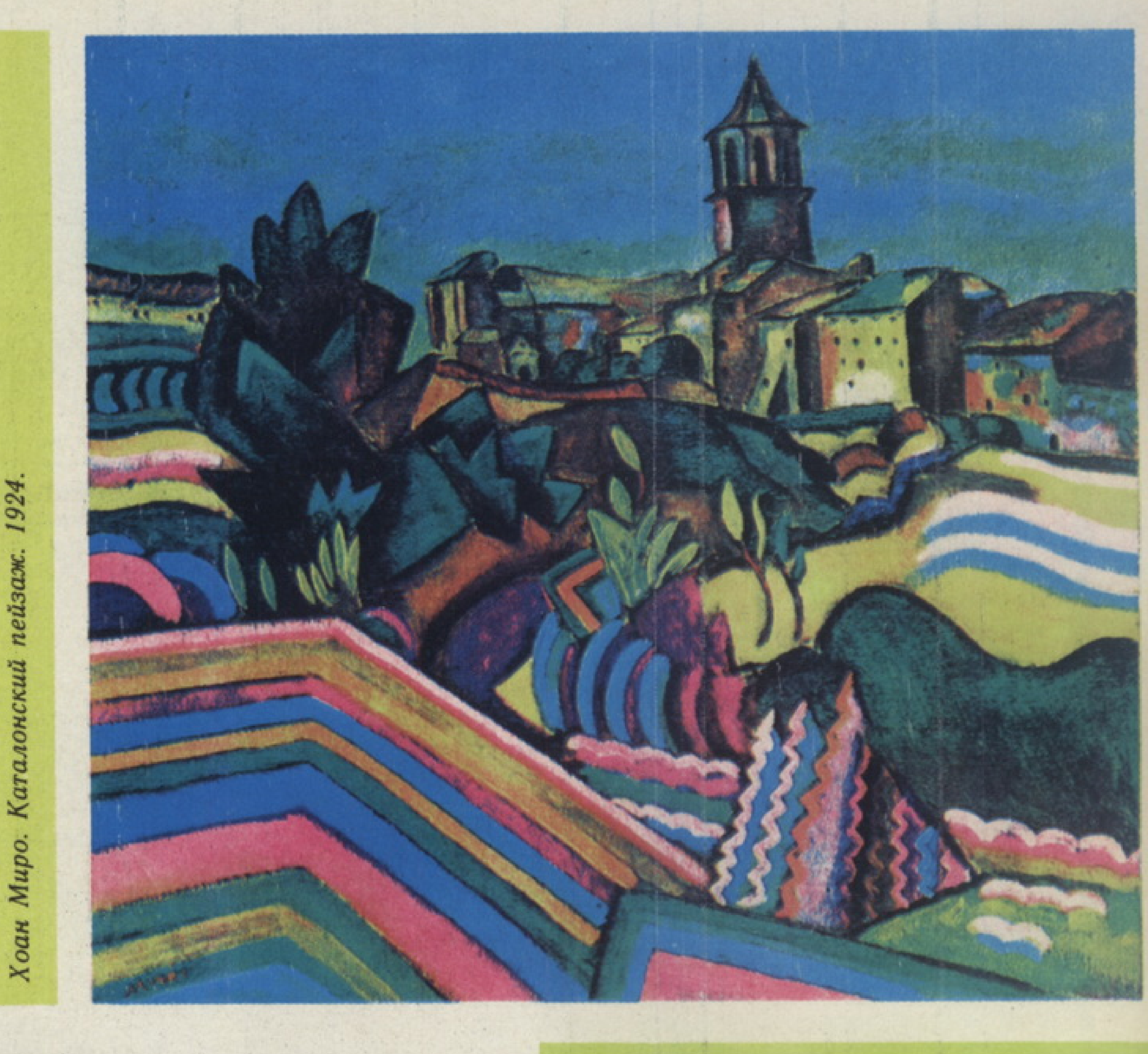
Миро не работал лишь последние месяцы жизни: он ослеп. «Я не боюсь смерти,— говорил художник.— Не нужно пышных похорон с цветами. Цветы вырастут из моего тела».

Понять творчество Миро можно, лишь зная его родину, к которой он возвращался вновь и вновь, уже будучи всемирно известным, как к неиссякаемому источнику вдохновения. «Мощные пейзажи этой земли, пустынные, без малейшего намека на живописность, всегда были основой моих пластических и поэтических замыслов»,— с гордостью повторял художник.

Хоан Миро родился 20 апреля 1893 года в Монтройге, в Каталонии, испанской провинции, давшей миру другого выдающегося мастера — Пабло Пикассо. Художественные способности Миро проявились рано. С 7 лет он посещал уроки рисования. Родители определили его в коммерческую школу, но он не бросал занятия живописью в барселонской школе изящных искусств, которую за 10 лет до него закончил Пикассо. Миро вспоминал: «Я тщательно мыл руки перед тем, как прикоснуться к бумаге и карандашу. Эти предметы были для меня священны, и я работал так, словно исполнял ритуал».

Однако обучение сводилось здесь к подражанию неизменным классическим образцам, к подчинению стандартным правилам, заучиванию отрывочных сведений. Миро инстинктивно восставал против академических канонов, которые находил «стерильными».

В 1912 году он поступил в художественную школу Франсиско Гали, где царила атмосфера оживленного творческого поиска. Миро увлекался Ван-Гогом, Сезанном, Руссо, Пикассо, чье творчество опрокидывало существующие традиции. Хотя влияние этих художников заметно в ранних работах Миро, он не стал их рабским подражателем, используя лишь те черты, которые более всего соответствовали его личности.

Хоан Миро. Каталонский пейзаж. 1924.

Народное искусство Каталонии, творчество великих и неизвестных примитивистов, которые руководствовались лишь собственным инстинктом, было источником живописных идей Миро.

Париж, столица искусств начала века, неудержимо привлекал художника. Его истинная жизнь, независимое плодотворное и оригинальное творчество начались в 1920 году, когда он переехал в Париж, где жил только зимой, уезжая каждое лето в Монтройг, на ферму своих родителей. Ее белые, потрескавшиеся стены, иссушенная солнцем земля увековечена в пейзаже под названием «Ферма» (1920—1922 гг.). Эта картина вдохновлялась тоской художника по родине. Миро писал: «Ферма» написана в Париже, чтобы сохранить связь с Монтройгом». Он даже привез из Монтройга охапку травы, чтобы изобразить ее на полотне. Он писал эту картину с необыкновенной тщательностью и достоверностью: листок за листочком, ветку за веткой, травинку за травинкой. Как объяснить этот реализм художника, столь склонного к невероятному и фантастическому? Его вдохновение возникало из неистовых эмоций, а эмоции основывались на четком понимании реальности. Миро признавался: «У меня потребность рисовать, как люди пешком ходят по земле, ибо, лишь соприкасаясь с ней, мы обретаем силу».

В соприкосновении с землей Каталонии он обрел художественную и поэтическую силу, поставившую его вне всех

Хоан Миро в своей мастерской.

крупных течений живописи века. Испания не только давала Миро исключительные впечатления и непосредственно влияла на его воображение и формы, она также являлась для него необходимым убежищем против всех переменчивых течений и художественных влияний, будораживших Париж. Это было место, где Миро мог спокойно оценить живопись своего времени и четко определить свою собственную позицию в искусстве.

Одним из первых, с кем встретился Миро в Париже, был Пикассо. Он купил у своего юного соотечественника его автопортрет, носивший следы влияния романских фресок в Каталонии и геометрических форм кубистов. Пикассо взял на себя роль защитника начинающего художника, его «крестного отца». При его поддержке Миро смог выставить свои картины в галерее Ла Ликорна, где и была продана «Ферма». Здесь встретились два тогда никому не известных человека: Хоан Миро, по первым шагам которого трудно было предположить, что пройдет немного времени и музеи мира станут оспаривать честь иметь его картины; и скромный корреспондент газеты «Торонто Стар» в Париже Эрнест Хемингуэй, будущий всемирно известный писатель. Прежде он не интересовался живописью, но пейзаж Миро очаровал его. У Хемингуэя не было 500 франков, чтобы купить картину. Ему пришлось обойти всех своих друзей, чтобы набрать нужную сумму. После гибели писателя «Ферма» осталась в его доме.

Миро с головой ушел в парижскую жизнь. А она была нелегкой. В первые годы художник терпел жестокую нужду. «Одежда моя износилась,— вспоминал он,— печка в мастерской не грела. Но моя студия блестела от чистоты. Я сам убирал ее. У меня не было ни гроша, и обед я мог себе позволить лишь раз в неделю». «В то время я вынужден был довольствоваться несколькими сушеными фигами в день. Я был слишком горд, чтобы просить у друзей. От голода у меня возникали галлюцинации. Я часами сидел неподвижно, уставившись в стены своей мастерской, пытаясь ухватить привидевшиеся формы, чтобы потом запечатлеть на бумаге или полотне».

Несмотря на превратности судьбы, Миро всегда оставался одинаково сдержанным и появлялся среди друзей тщательно одетым. Художник Андре Массон вспоминал, что Миро соединял в себе английскую элегантность с каталонской корректностью.

Живя и работая бок о бок со своим знаменитым соотечественником, Миро остался, как считают, единственным художником, которому удалось взять у Пикассо все, что он хотел, не впадая при этом в подражательство и плагиат. Миро пустился в поиск, изобретая собственный оригинальный стиль. «Я был охвачен паникой,— вспоминал Миро,— страхом, который овладевает путешественником, отправившимся по неизвестному пути».

Этот отважный первооткрыватель новых горизонтов отнюдь не выглядел титаном. Жак Дюпен, один из исследователей творчества Миро, писал о нем: «Нельзя вообразить себе большего контраста между огромным воображением, страстным порывом, безжалостным юмором и тщательно культивируемым исступлением искусства Миро, с одной стороны, и его внешностью и привычками — с другой. Это был хрупкий человек, который двигался и говорил с медлительной осмотрительностью крестьянина, всегда оставаясь в тени. В своей жизни этот мечтатель проявлял ту же дотошность, то же добросовестное внимание к деталям, которое, вероятно, было присуще его отцу — золотых дел мастеру и его деду — кузнецу». Застенчивый и замкнутый, с серьезным взглядом, выражающим беспокойство и изумление, Миро до конца своей жизни сохранял вид сдержанного и меланхоличного ребенка. Но в его хрупком теле таились могучий дух, колоссальная работоспособность и мужество.

Миро изобрел поэтическую живопись, трансформировал знакомые предметы и фигуры в необычные формы, чтобы поставить фантасмагорический балет. С юмором наивным и радостным, ставшим символом его живописи, птицы, луна, рыбы, спирали, звезды водят веселый хоровод на его самом знаменитом полотне «Карнавал Арлекина» (1925 г.). Эта картина богатством форм и сочностью красок напоминала «Ферму». Ее огромное достоинство — необычное движение, придающее картине пленяющее впечатление танца.

Миро объяснял: «Меня волнует вид неба... В моих картинах малые формы присутствуют на огромных пустых пространствах. Голые горизонты, пустые плоскости — все, что обнажено, всегда привлекало меня... Я доказываю необходимость достигнуть максимальной интенсивности минимальными средствами...»

Этот художник был одарен исключительным поэтическим духом. «Я не делаю различия между живописью и поэзией»,— писал Миро. Не случайно его близкими друзьями были Поль Элюар и Жак Превер.

В 30—40-х годах произведения Миро принимают тревожный характер, формы становятся конвульсивными и карикатурными («Женщины», 1934 год, «Голова женщины», 1938 год). Образы Миро отличаются неистовством, которое сравнимо только с ожесточением и горечью творчества того периода его друга Пабло Пикассо. Беспокойство, наполнявшее творчество Миро, усиливается, будто он предчувствует катастрофу, которая в скором времени обрушится на весь мир. Надвигалась испанская трагедия, а за ней мировая война.

А время на циферблате
Уже истекало кровью...—
писал Лорка.

В 1936 году Испанию охватил фашистский мятеж. Испанский народ вел великую битву за демократию. В этой битве Хоан Миро принял сторону республиканцев. Художник сознавал опасность катастрофы, постигшей его страну и Европу. В 1939 году он заявлял: «Дайте темным силам, имя которым фашизм, распространиться, увлечь нас дальше в тупики жестокости и невежества — и человеческому достоинству придет конец!»

Для павильона республиканской Испании на Всемирной выставке в Париже в 1937 году Миро выполнил монументальную фреску «Жнец». Она находилась рядом со знаменитой «Герникой» Пикассо и была созвучна ей по своей драматической выразительности и эмоциональному накалу. Фреска производила впечатление крика, удара кулаком, трубного гласа.

В работах 1940-х годов, тревожных, трагикомических, где искаженные черты человеческих лиц и выразительная жестикуляция рук напоминают плакальщиц «Герники», Миро восстает против насилия. «События того времени, в частности драма войны в Испании,— писал Миро,— привели меня к мысли, что опору нужно искать в реальности... Я вновь вернулся к реализму».

В тяжелые дни фашистского нашествия на Францию Миро создает одно из самых выдающихся своих творений — серию гуашей под названием «Созвездия» (1940—1941 гг.), противопоставляя бессмысленности войны универсальную силу искусства и внутренней жизни. Работа над «Созвездиями» была в разгаре, когда художнику пришлось покинуть оккупированный Париж и с огромными трудностями добираться до Барселоны.

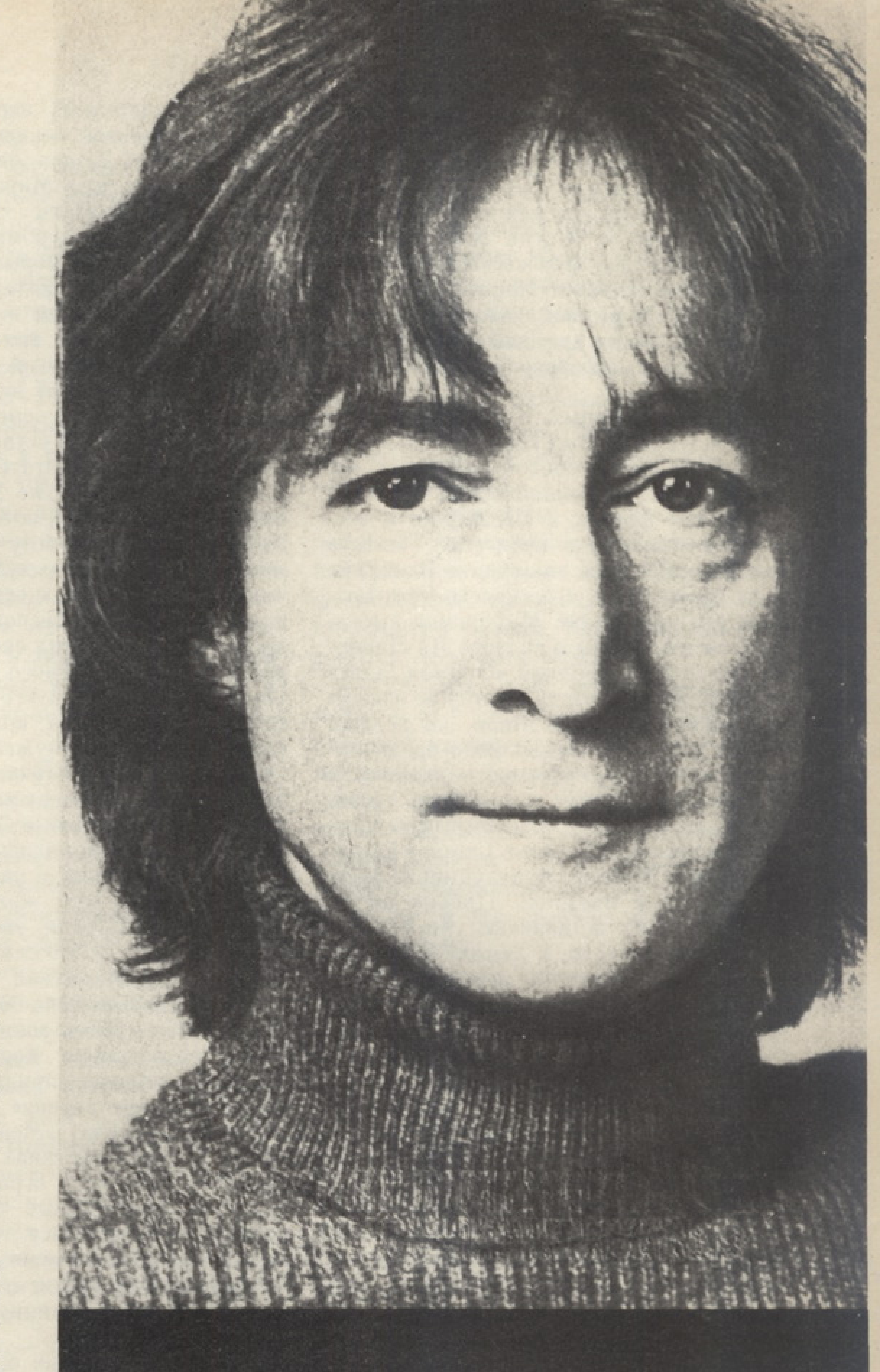
Здесь Миро встречает своего старого друга скульптора Артигаса. Лучшими произведениями Миро в долголетнем сотрудничестве с Артигасом были два керамических панно для здания ЮНЕСКО в Париже: «Стена луны» и «Стена солнца» (1958 г.). Два года тяжелого труда потребовалось для огромных настенных керамик, состоящих из 232 плиток. «В этой картине сотворения мира Миро прикладывает палец к губам в ожидании грядущих чудес»,— писал Жак Лассень.

Миро успешно занимается литографией. Среди многих его работ — 100 цветных гравюр для книги Поля Элюара «Испытанный» (1956 г.).

Сам Миро так определял атмосферу своего творчества: «Для всех существует солнце, травы, спирали стрекоз. Мудрость состоит в том, чтобы остаться самим собой подле природы, которой безразличны наши невзгоды. Каждая пылинка в ней обладает неповторимой душой. Но чтобы разглядеть это, нужно вновь обрести волшебное видение мира, свойственное первым людям на земле».

Он в полной мере обладал этим волшебным видением. В одном из последних интервью 90-летний Хоан Миро, мечтатель и поэт, сказал: «Когда я вижу парусную лодку в море, я думаю, что на ней можно унестись в другую страну, до другого материка или до звезды...»

■

ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ

Барбара ГРОСТАРК

В 1983 году (с 8-го по 12-й номер) «Ровесник» опубликовал журнальный вариант книги английского писателя Хантера Дэвиса «Авторизованная биография «Битлз». В прошлом номере мы напечатали «Дополнение» к этой книге, в котором говорилось о жизни участников ансамбля после распада «Битлз». Публикуемым здесь последним интервью Джона Леннона американской журналистке Барбаре Гростарк (оно было дано им за два месяца до гибели) мы завершаем рассказ о жизни и творчестве знаменитой «ливерпульской четверки».

«Мечта закончилась,— напоминал нам Джон,— пора возвращаться к реальной жизни». И он сам в 1975 году, незадолго до рождения сына Сина и под конец своей многолетней битвы с властями за право проживания в США, исчез из поля зрения публики.

В «мечтах» оставались все те же «Битлз», несмотря на затворничество Джона Леннона, старый миф жил и жил. Ходили слухи, что Леннон катается на мотоцикле по двадцати восьми комнатам пяти совмещенных квартир, без устали слушает старые битловские записи и считает новые седые волосы. Один из репортеров якобы засек Джона в рок-клубе в компании двух телохранителей, призванных «блюсти репутацию». Другой обнаружил семейство «на природе» в Виргинии и поспешил оповестить мир, что Леннон занялся разведением коров. Чем же стал теперь на самом деле своенравный артист?

...Я встретилась с Джоном и Йоко во время записи «Фантазии для двоих» (последняя пластинка Леннона.— *Ред.*). Он приветствовал меня в старой ливерпульской манере: «Привет, я Говард Гарбо — или Грета Хьюз [1], как там у вас принято сейчас?» — и слегка подмигнул Йоко. И его длиннющий нос, славный нос Сирано, окончательно убедил меня, что все на месте.

Освобождение

— Почему вы на целых пять лет исчезли?

— Потому что мне будет сорок, а Сину будет пять, и я хотел отдать ему пять полноценных лет, быть с ним все время. Я не видел, как вырос мой первый сын, Джулиан, а теперь это семнадцатилетний мужчина, он звонит мне по телефону и говорит о мотоциклах. Меня совсем не было в его детстве. Я был на гастролях. А мое детство было другим... Я не знаю, какую цену надо заплатить, не знаю, как срабатывает этот механизм, но знаю точно — за невнимание к детям приходится расплачиваться. И если бы я не уделил Сину внимания от нуля до пяти лет, не уверен, что это удалось бы возместить от шестнадцати до двадцати. Это мой долг, это закон жизни — так или иначе посвятить себя ребенку.

— Вы решили сбежать от музыки как таковой или от проблем, связанных с тем, что вы — Джон Леннон?

— И от того, и от другого... Видите ли, я подчинялся всяческим контрактам с двадцати двух лет, и всегда я что-то был обязан. Обязан написать сто песен к пятнице, обязан выпустить пластинку к субботе, обязан то, обязан это. Когда-то, в детстве, меня озарило: я должен стать артистом, чтобы быть свободным. Но неожиданно все вышло прямо наоборот. Я должен что-то фирме грамзаписи, должен прессе, должен публике, должен американской иммиграционной службе, должен идти в суд каждый раз, когда какой-нибудь подонок атакует меня на улице. И я сказал себе: «Что за чертовщина? Какая же это свобода?»

А в музыкальном бизнесе ведь как? Если имя не упоминается в светской хронике, если нет тебя в списках бестселлеров или на вечеринке у Мика Джеггера или Энди Уорхола — значит, ты вообще не существуешь. И этого смертельно боятся все модные музыканты.

Вначале было очень трудно ничего не делать в музыке, потому что я чувствовал, что могу много писать. Но я не желал записывать музыку именно потому, что все считали, что я должен это делать. И мне пришлось пройти через долгий и тяжелый период остывания; обычно люди испытывают это, когда выходят на пенсию, лет в шестьдесят. А затем я привык и стал нормальным домохозяином, переключив все свое внимание на Сина.

---

[1] *Американский миллиардер Говард Хьюз был знаменит не только своим браком с киноактрисой Гретой Гарбо, но и тщательно разрекламированным затворничеством.— Здесь и далее примеч. пер.*

— Вы совсем перестали слушать музыку?

— Я слушал в основном классическую или фоново-развлекательную музыку. Меня не интересуют работы моих коллег и тому подобное. Я имею честь никогда не посещать модные диско-клубы и ни разу не был ни в одном рок-клубе. В «Сохо ньюс» писали, что я ходил смотреть на Джерри Ли Льюиса в «Риц». На самом деле я не бывал и там. Забавно, как образ артиста существует независимо от него самого, живет своей жизнью...

— Но вы не чувствовали, что упускаете нечто?

— (Слегка раздраженно) Это как спрашивать у Пикассо, ходил ли он давеча в музей... Пикассо не ходил смотреть чужие картины. Он жил в своем доме, и люди приходили смотреть на него. Так же и я. Все эти «соперники» меня совершенно не интересуют, если это только не нечто феноменальное. Кстати, все исполнители, которых я когда-либо видел на концерте, разочаровывали меня. Пластинки были лучше.

— В возрасте двадцати трех лет вы написали: «Женщина должна быть ласковой и неслышной». Судя по вашим отношениям с Йоко, взгляды изменились?

— Да, Йоко изменила мои представления. С самого первого дня она потребовала равных со мной прав, равного пространства и времени.

Она вошла в мою жизнь тогда, когда все мне прислуживали и любая прихоть удовлетворялась. Я думаю, именно это убило Элвиса Пресли и многих других. Королей всегда убивают придворные, а не враги. Король перекормлен, перепоен, напичкан наркотиками и самодовольством — всем, что связывает его с троном. Большинство людей в такой ситуации уже не в состоянии воспрянуть духом: они погибают, физически или умственно. А Йоко, кроме того что научила меня уважать женщин, еще и вызволила меня из этой гнилой ситуации. Вот так для меня закончилась история «Битлз». Йоко не раскалывала «Битлз», просто она дала мне почувствовать, что я — это, так сказать, «Элвис Битл», окруженный льстецами и рабами, которые были заинтересованы только в том, чтобы положение дел никогда не менялось. А это предрекало смерть.

— И тогда вы решили покинуть «Битлз»?

— Я искал повода уйти из «Битлз» примерно с 1966 года. Но не хватало духу это сделать. Потому что я не знал, что буду делать дальше. Я помню, почему я снялся в кино: «Битлз» прекратили гастрольные поездки, и мне стало нечего делать. И вместо того, чтобы вернуться домой, быть с семьей, я отправился с режиссером Ричардом Лестером в Испанию, потому что нуждался хотя бы в каком-то эквиваленте сцены. Тогда я в первый раз подумал: «Боже, что тебе останется делать, если «Битлз» не будет? Без группы нет никакой жизни». Именно эти мысли заронили во мне зерно замысла как-то уйти из «Битлз» самостоятельно, не дожидаясь, пока они сами развалятся, а я окажусь у разбитого корыта. Но я никак не мог выйти из этого дворца...

— А у других возникали подобные мысли?

— Можете мне поверить: остальные об этом и не помышляли. Вот почему они до сих пор в состоянии шока. Пол так и продолжает тянуть воз, он не останавливался ни на один день.

— Йоко, а что привлекло вас в Джоне?

— Наверное, женское чутье сработало. Я встретила этого парня, который был похож на настоящего, ответственного мужчину, и мы поняли друг друга. Меня сразу поразила его тонкость. Я подумала: он понимает меня, хочет понять. Это редкое качество. Большинство мужчин даже не старается.

— Джон, может быть, то, что вы приняли такое участие в семье, в детстве сына,— это своего рода искупление вины?

— Возможно. Если я не гожусь для воспитания ребенка, то не гожусь и для всего остального. Не имеют значения мои артистические достижения, или сколько я продал пластинок, если я не могу наладить отношения с людьми, которых люблю, все остальное — ерунда.

Творчество

— Мне кажется, никто не ожидает, что дуэт «Джон и Йоко» будет иметь такое же влияние, как «Битлз»...

— Мы не собираемся сравнивать себя с «Битлз». Любой, кто поставит рядом нас и тех четырех парней, будет не прав. У Пола нормальная рок-группа, те же четыре парня, и то, мне кажется, не стоит искать какие-то параллели между «Уингз» и «Битлз».

— Ну ладно, сформулируем проще: как вы представляете себе ваш образ? Как вы хотели бы воздействовать на публику?

— Просто Джон и Йоко представляют нечто. Нравится — слушайте, не нравится — не слушайте...

— (Йоко) Нельзя заранее предугадать воздействие, конкретную реакцию...

— (Джон) Если об этом специально думать, то ничего путного не сделаешь. Я давно заметил: если начинаешь думать или что-то прикидывать, когда поешь, то обязательно фальшивишь или сбиваешься. Все выходит правильно, только если не думаешь. Предполагать, что предположительно предположат люди, прослушав ту или иную песню, нам совершенно ни к чему — иначе мы просто не сможем творить. А воздействие никуда не денется, едва песни зазвучат в эфире. И уж тогда мы будем следить за их судьбой, гадать и надеяться.

— (Йоко) Помните эту притчу про сороконожку, которую спросили, как ей удается так здорово ходить на стольких ножках? Она задумалась и не смогла дальше идти...

— Вы видите сильные и слабые стороны своего сотрудничества?

— (Йоко) Мне кажется, вместе мы очень сильны. Я не вижу никаких слабых мест.

— (Джон) Да, сейчас нам работать намного легче, чем вначале. Потому что в те годы я еще нес в себе массу барахла в духе «Битлз».

— Почему вы покинули Йоко в 1973 году?

— На самом деле мы расстались потому, что она меня выставила за дверь. Так что я (смеется) был оставлен на произвол, и никто не мог защитить меня от самого себя. Что было очень полезно. Ведь я давно утратил способность следить за собой, а стоило бы. Всегда или Эпштейн, или Пол проявляли обо мне самую трогательную заботу. Хотя винить их в этом нехорошо.

— Почему Йоко вас прогнала?

— Я был животным, невнимательным и неделикатным, и она справедливо подумала: «Пусть себе живет, но не со мной». Довольно долго пришлось ждать, пока она не сказала мне: «Ладно, приходи, повидаемся». С тех пор мы уже не расставались... все было в порядке.

— Не думаете ли вы, что ваша теперешняя забота о Сине как-то связана с тем, что ваш отец бросил семью?

— (Смеется) Нет, тогда бы я проявил не меньше заботы о Джулиане. Я думаю, что это объясняется другими причинами. Джулиан родился, когда мне было двадцать три, «Битлз» были на пороге успеха. Я был молодым пацаном и не испытывал никакого чувства ответственности за то, что привел в мир нового человека.

— Хотелось бы вам, чтобы музыка играла в жизни Сина такую же роль, как в вашей?

— У меня нет никаких амбиций в отношении сына, я только хочу, чтобы он был здоровым и знал, что я люблю его. И что и Йоко, и я всегда будем за него. Будет ли он музыкантом, артистом или кем-либо еще — его дело.

— Он музыкален?

— Конечно. Еще в родильном доме няньки кормили его под музыкальные радиопередачи. Он так привык к этому, что и дома, когда я даю Сину есть, включаю музыку: бум-бум-ди-думм... И хотя музыку он слушает все время, меня он играющим никогда не видел. У меня есть гитара, но за пять лет я и не припомню, когда ее доставал. От соседей он узнал, что я был когда-то связан с музыкой. Он прибежал домой и спрашивает: «Папа, ты пел? Ты был «битлом»?» Ответил ему: «Да, вроде того...»

— Он понимает, кто такие были «Битлз»?

— У него существует представление, что был такой ан-

самбль и я в нем играл. Но представление довольно смутное... Скажем, он не уверен, играла ли там и мамочка тоже.

— Вернемся к началу разговора, вы чувствуете, что настало время снова заняться музыкой?

— Да, хочется поработать вместе с Йоко.

— А почему не соло?

— Одному чертовски скучно. Когда я только расстался с «Битлз», мне казалось, что записать одному целый альбом — это потрясающе! Но вскоре это обернулось тоскливой поденщиной. Я начал подкладывать в свои «сольные» пластинки какие-то ненужные инструментальные куски, дурацкие куплеты — только чтобы заполнить место... А сейчас мы хотим сделать что-то вместе по многим причинам. Пять лет я был домохозяином, а Йоко занималась только деловыми вопросами. Теперь пора.

— А почему вы не могли вести дела семьи?

— Потому что я не способен на это. У меня лучше получается готовить и присматривать за ребенком, а у Йоко — вести дела с банкирами и юристами. Ведь история с «Битлз» продолжается, и в нее вплетены масса денег и людей. Чем нанимать адвоката или какого-нибудь менеджера за пару миллионов в год, пусть лучше это делает Йоко. Она хорошо знает математику и умеет играть в покер... А мне нравится быть дома. Читать. Дома никогда не надоедает.

— Не слишком ли тщательно вы изолировали себя? Стоит ли убирать все антенны?..

— Стоит. Я исчезал много раз. Однажды — с Маккартни в Гималаи... Вся пресса хихикала: посмотрите на этих идиотов, но я спокойно просидел три месяца в горах. Однажды мы вернулись из Гамбурга, точнее, нас оттуда выдворили, и я не контактировал с остальными целый месяц... в девятнадцать лет это не так мало. Я исчезал, чтобы подумать: стоит идти дальше той же дорожкой или нет. Джорджа и Пола это часто бесило: они хотели работать, работать, а я исчезал. Так что я наполовину монах. Наполовину артист. И я чувствую, когда надо сменить роли, в этом, возможно, секрет моего выживания. Периоды активности и исчезновений для меня так же естественны, как выдох и вдох... Теперь я прекрасно знаю жизнь домохозяек и понимаю все их жалобы. Я жил точно так же, как миллионы обремененных домом женщин. Я богатая домохозяйка, но это не снимает забот и не делает пеленки суше. Ну а сейчас вот эта домохозяйка решила немного подумать и о творческой карьере...

— Как-то слишком уж гладко потекла ваша жизнь...

— Что ж, именно поэтому мы и решили, что нужны перемены. Творчество — это дар. Я мог бы симулировать творчество, как это делают многие артисты, ставшие мастерами своего дела. Я тоже мастер, тоже прекрасно владею ремеслом и вполне мог бы попасть в книгу рекордов Гиннеса [1] или быть посвященным в пэры... Но мне хочется создавать нечто настоящее. А ощутить такое вот неподдельное творческое вдохновение можно только тогда, когда в мыслях нет суеты, когда ты чист и спокоен. Понимаете, яблоко не упало бы на голову Ньютону и его не осенило бы, что означает это падение, если бы он не сидел под деревом. Мечтал. То же самое и с музыкой — она должна приходить сама. Престиж, деньги, честолюбие, авторские права — все ерунда. Не для этого я занимаюсь музыкой, а для того, чтобы хоть раз в десять лет ощутить эту радость, когда на голову падает яблоко. И не надо свято верить в то, что я это создал, что это МОЯ собственность... кто-то поет МОЮ песню или они украли МОЮ музыку... Вера в это рождает смуту в душе, и божественный дар переходит к другому. Человек становится ремесленником. Ничего не имею против них, но мне это неинтересно.

— А почему вы решили писать поп-музыку?

— Потому что я люблю так называемую поп-музыку! Я могу раскритиковать эту музыку в пух и прах не хуже любого критика. Могу похвалить ее, могу принизить ее, могу взглянуть на нее с точки зрения социологической, антропологической, исторической... Какой угодно. Но если отбросить все размышления, это та музыка, которую мне нравится слушать. Это народная музыка. Фольклор. Я всегда так считал. И то, что я пишу,— это народная музыка. Я не пытаюсь ее интеллектуализировать. Не стремлюсь, чтобы она звучала как симфония, и не представляю из нее всякие фальшивые, надувательские формы типа «рок-оперы». То, что приносит мне творческое наслаждение, является мне в форме простой популярной музыки. Вот так. Если бы это приходило в форме живописи, я бы писал картины.

— Ваш новый альбом будут сравнивать с предыдущим...

— Предыдущий назывался «Стены и мосты». С тех пор прошли целые световые годы... Музыка, как, например, и приготовление пищи,— это отражение, даже своего рода декларация состояния ума в данный момент. «Стены и мосты» — работа ремесленника. Мастерство в ней присутствует. Но в ней нет вдохновения. Она ущербна и болезненна. Потому что я в то время был в прескверном состоянии. Сейчас — нет, и новый альбом будет совсем в ином духе.

— А как в этом смысле альбом «Имеджин»?

— О, тогда я был в полном порядке! Со мной играл «Пластик Оно Бэнд», самый сильный состав, я как раз вышел из очередного десятимесячного «исчезновения»: лежал в клинике и писал песни. Короче, каналы были прочищены.

— Эти пять лет вы тоже «прочищали каналы»?

— Да, потому что мусора накопилось слишком много. Если вокруг тебя суета и бедлам, это не может не сказаться и на внутреннем мире. Ведь все, что вокруг,— это и отражение наших собственных неврозов, и наоборот. Чтобы дойти до сути музыки, необходимо очистить ум, достичь прозрачности мыслей. А суть музыки для меня — это простота и общение.

— Что вы думаете о последнем альбоме Пола?

— Я думаю, он пустой. И отражает только неразбериху и грусть. Больше я ничего оттуда не почерпнул. Грусть.

— А в вашей жизни совсем нет неразберихи, трений?

— Трение — это сама жизнь. Проснуться утром и прожить очередной день — в этом столько всего, в основном этого самого «трения». Задача художника — выразить это в произведениях искусства. Выразить от имени тех людей, которые не умеют этого сделать, или не имеют времени и возможностей. Это моя функция в обществе, моя работа.

— Но вы не очень-то утруждаете себя последние годы...

— А к чему спешить? От «Битлз» все тоже постоянно требовали работы, работы, потому что боялись, что мы вот-вот распадемся. И только сами «Битлз» знали, на что они способны и когда они способны. Я тоже знаю, что я смогу сделать и в какое время. Подходящее время. Жизнь длинна. То, что моего имени нет в заголовках и списках хитов, не беспокоит меня. Проблема лишь в том, как лучше выразить себя. И тут спешка может повредить. Пять лет! Я мог бы молчать двадцать лет. Есть авторы, которые пишут по двадцать лет одну книгу, другие за месяц успевают настрочить пятнадцать. Я не считаю, что одни обязательно лучше других. У всех по-своему. И у меня в том числе.

— Но с 1969 по 1974 год вы стабильно выпускали по альбому в год.

— И ни один из них не был до конца таким, как мне хотелось. Даже «Имеджин», на мой взгляд, я слишком подсластил — по вкусу публики. Я небезупречен. Но у меня есть свои идеалы самовыражения в искусстве, и я буду к ним стремиться. Еще несколько десятков лет у меня есть — времени вполне достаточно. А все эти страхи поп-звезд и кинозвезд перед «старением» меня совершенно не касаются.

— Я читала одну статью, где автор назвал «Битлз» стражами детства. Мне тоже всегда казалось, что в ваших песнях есть это чувство: не хочу быть взрослым...

— Не думаю. В детстве людям внушают, как надо вести себя в классе, а спустя десять лет — как надо сидеть в офисе и делать карьеру. Я понимаю взросление как процесс осознания того, что тебе по-настоящему надо делать. И «Битлз» как раз предлагали такое решение.

[1] *Ежегодно выходящий в Великобритании сборник, в котором регистрируются все рекорды — от спортивных до самых нелепых (например, самое длительное стояние на одной ноге). Регистрируется и максимальное количество выпущенных каким-либо музыкантом пластинок.*

Возрождение «Битлз»?

— Почему вы так отрицательно относитесь к идее воссоединения «Битлз»?

— Я не люблю об этом говорить. Ринго однажды заметил: «Сказать «никогда» может только нехороший человек»,— и в самом деле, кто знает, что еще может произойти. Поэтому никто из нас и не говорит «никогда». Но говорить «может быть» я тоже не хочу, потому что знаю, что об этом моментально раструбит вся пресса как о почти свершившемся факте, и откуда-то всплывет масса непонятных личностей, готовых «все устроить», и коммерсантов, объявляющих в интервью «да, мне удалось собрать «Битлз»...». Это все уже бывало, и не один раз. Поскольку любое высказывание может навредить, лучше помолчать. Могу уверенно сказать только одно: если «Битлз» когда-нибудь и соберутся снова вместе, они сделают это сами, без чьей-либо помощи. Так, как это однажды едва не случилось на «Концерте для Бангладеш».

— Вы отдаете себе отчет в том, что «Битлз» объективно нужны нам, как важнейший химический компонент, что ли, нашей жизни?

— Нет! Сейчас совсем другие времена, и «Битлз» уже не могут значить того, что значили. Сейчас вы можете с таким же успехом затребовать любой другой «химический компонент». Чем вам сейчас могут помочь «Битлз»: закончить колледж? Найти работу? «Битлз» слеплены из того же теста, что шестидесятые годы, и они неотделимы друг от друга. А сейчас, для моей сегодняшней работы, опыт «Битлз» мне совершенно не нужен. И не будет нужен. Даже если Джон и Пол соберутся вместе с Джорджем и Ринго, «Битлз» не будут тем, что были. Тем, что вы, возможно, от них ждете...

— В последние десять лет вы все шли настолько разными путями в музыке, что, мне кажется, было бы очень интересно, что у вас получится совместно в студии?

— Было бы не менее интересно, если бы я пошел в студию вместе с Миком Джеггером или Йоко Оно. Я предпочел Йоко Оно, потому что это интереснее лично мне.

— Люди тоскуют по добрым старым временам...

— Это бред, это как призывы вернуться назад к Гленну Миллеру [1]. Какого черта? Хотите Гленна Миллера? Слушайте на здоровье его пластинки! Все, что «Битлз» могли дать, и в лучшем виде, имеется на записанных нами пластинках. А эти четыре парня никогда уже не будут теми же, даже если очень захотят. Ну, предположим, мы вновь объединим усилия с Полом Маккартни. Может быть, и нет. Что до присутствия Джорджа и Ринго, то оно может иметь только символическое значение, не более того.

— Почему только символическое?..

— Потому что всю музыку создавали Пол и я, не правда ли? А остальное не имеет значения. Но и нам с Полом вместе делать нечего. Что из этого выйдет?.. Одна скука.

— Вы общаетесь с Полом?

— Я не общаюсь ни с кем.

— Маккартни в одном из последних интервью сказал, что вы с Йоко перепробовали уже все возможные роли, кроме одной — быть самим собой...

— Просто Пол ни черта обо мне не знает, а сказать ему что-то надо... Ему всегда было ужасно интересно: что это я делаю? Что это я такое выдумываю? Но сейчас уже десять лет, как я с ним практически не общаюсь. Знаю только из газет, что он вовсю стрижет купоны. А вот что у него на душе? Этого прессе обычно не поверяют.

— Йоко говорила, что вы виделись с Полом...

— Да, года два или три тому назад, уже точно не помню. Он объявился у меня под дверью с гитарой под мышкой. Я ему сказал: «Звонить надо прежде. Я намучился с ребенком, устал, а тут еще ты со своей поганой гитарой...»

— У вас была вражда?

— Да какая там вражда! Я и не вспоминаю о ней, пока кто-нибудь не заведет разговор. Я мог бы говорить о Поле до бесконечности, потому что знаю о нем все. Но сказать-то, собственно, нечего.

— Почему Пол пришел к двери вашей квартиры?

— Думаю, ему было скучно. Пол достиг того, чего всегда хотел, полного контроля. И ему стало скучно, потому что полный контроль — это еще и изоляция.

— Судя по тому, что на своей последней пластинке («Маккартни II».— *Примеч. пер.*) Пол играет один на всех инструментах, «полный контроль» ему еще не наскучил.

— Может быть, и так. У него могла быть масса причин, чтобы зайти ко мне. Я могу гадать об этом так же, как и вы. Поймите, меня совершенно не волнуют «Битлз».

— А вы помните, каким были до «Битлз»?

— Все эти пять лет я старался вспомнить. Помните, я говорил об ощущении от многолетней шелухи? Однажды Йоко послала меня в кругосветное путешествие, одного. Я много раз бывал одинок, но один я оказался впервые за почти что двадцать лет. (Быть одному и быть одиноким — это очень разные вещи.) Я оказался сам по себе, и я ничего не знал, ничего не умел... Чертовым поп-звездам позволено ничего не уметь... Не знал, как устроиться в отель, как заказать что-то, как вызвать горничную... Я был знаменитостью, и я был изолирован. Я боялся людей, боялся, что они что-то сделают со мной, узнав знаменитость. Я давным-давно не сталкивался с жизнью, и этот страх был для меня оправданием. И вот я сидел в комнате отеля в Гонконге один. Я страшно разнервничался. И я залез в ванну. (Женщины, я заметил, так часто делают, чтобы успокоиться.) И я расслабился, удивительно расслабился. И будто бы вновь узнал себя. Это я! Этот спокойный, отдыхающий человек — я! Я вспомнил это чувство двадцатилетней давности. Ощутил себя тем самым парнем, которому было наплевать на достижения и хитовые пластинки, агентов и поклонников, который был сам по себе и знал, что делает.

— Вам нравится быть одному?

— Да, очень! Только когда я оказался один, я снова открыл те ощущения, которые я испытывал в юности. Я помню один случай в моей жизни, когда мы с тетей ходили по горам в Шотландии, далеко на севере. И тогда я впервые почувствовал это, такое потрясающее ощущение... Я еще подумал тогда: наверное, это то, что называется прекрасным, или поэтичным, или черт-те как еще... Когда я смотрел кругом, мне казалось, что это галлюцинации. Понимаете, когда идешь, и земля под тобой как будто шевелится, и вереск, и горы — и вот тут приходит это чувство. Что-то. И это как раз то, что заставляет рисовать или писать, потому что это так захватывает, что не может остаться внутри. Хочется об этом рассказать, но как? Описать словами невозможно... и вот тогда берут в руки кисти, пишут стихи и все такое. И это чувство было со мной всю жизнь. Именно поэтому, когда вы все толковали, что здорово бы Ребятам Собраться Снова Вместе, я говорил: «А зачем?» Потому что чувство было у меня и до «Битлз», и есть теперь. Это абсолютное чувство. И оно есть у каждого, но большинство людей не позволяет себе... А я промечтал все так называемые учебные годы. Я был в полном трансе двадцать лет, потому что кругом была только скука. Я или фантазировал, или смотрел фильмы, или проказничал.

— Это напоминает строчки из новой песни «Смотрю на колеса»...

— Да, потому что там говорится, что все, кто комментирует мою жизнь последних лет — критики, пресса, деловые партнеры, другие артисты,— все они в точности как те давние учителя из школы, которые делали мне в дневнике замечания вроде: «Слушал невнимательно, отвлекался, не выполнил задания», или: «Проявил несерьезность, позволял себе смех...», «Леннон, встаньте», «Леннон, сядьте», «Леннон, сделайте». Хватит, зачем? За эти годы я смог вновь почувствовать себя. Освободиться от всего лишнего, от «Битлз» в том числе. Я — это я, и это прекрасно. Это — как ходить по тем горам.

Перевел с английского Т. АРТЕМОВ

[1] *Гленн Миллер — популярный американский композитор (автор музыки к фильму «Серенада солнечной долины») и руководитель эстрадного оркестра. Погиб во время второй мировой войны.*

ОБЫЧНЫЙ БИЗНЕС

Приключенческая повесть

Дж. ФИЛЛИПС,
американский писатель

Часть I. Зима 1976

Глава 1

С вершины холма укутанный снегом городок напомнил Коттеру рождественские открытки: шпиль церкви, красные амбары, крошечные люди на улицах — в Брунсвилле, казалось, все мирно и спокойно. И где-то там, на белом снегу — алое пятно: кровь убитого смешалась с кровью убийцы, молоденькой девицы, которая лишила страну нужного ей человека.

— Перед ним лежала прямая дорога,— сказал Коттеру сенатор Фаррадей.— До самого верха. В каком больном мире мы живем, а, Дэвид? — Фаррадей стукнул кулаком по столу.— Мне нужен человек, стоящий за этим выстрелом!

— Но девушка тоже убита,— удивился Коттер.

— Я сказал, «человек, стоящий за этим выстрелом». Девушка была э... психически неустойчива. Кто заставил ее выстрелить?

— Это не совсем соответствует профилю моей работы в последнее время, сенатор,— возразил Коттер.

— Ты у меня в долгу, Дэвид. Пора рассчитаться...

Родители назвали его довольно странно: Маркус Аврелий, в честь римского императора и философа-стоика. Маркус Аврелий Креншоу. В школе над этим именем смеялись. Позднее, когда он стал знаменитостью, сначала в спорте, потом в политике, кто-то придумал отличное сокращение — Мак. Вся Америка восхищалась футбольным талантом Мака, после колледжа его приняли бы в любую профессиональную команду, и он быстро стал бы миллионером. Но деньги не интересовали Мака. Он и так был сказочно богат: «нефтяное состояние Креншоу». Он оставил футбол и отправился в Оксфорд: Мак решил стать юристом и, естественно, добился своего. Мак женился на Гвендолин Ласситер, темноволосой бостонской красавице, дочери Роджера Ласситера. По пышности свадьба не уступала королевской.

Мак Креншоу собирался стать президентом Соединенных Штатов. Каждый американский мальчик мечтает о том же, но желание Мака подкреплялось тщательно разработанным планом Росса Креншоу. Нефтяной магнат решил, что его старший сын и наследник должен стать хозяином самого значительного политического офиса в западном мире. По плану Росса Креншоу, Маку предстояло присоединиться к какому-то солидному политическому деятелю, устойчиво поднимающемуся вверх. И надлежало правильно выбрать такого человека.

Не менее важным моментом являлась служба в армии. Каждый, кто хотел стать президентом, должен был без запинки отвечать на вопрос: «Что ты делал на войне, папочка?» Конечно, Мак Креншоу имел право выбирать, где ему служить, и предпочел авиацию.

Когда подошло время, Мак покинул военную службу. Специальному прокурору в Вашингтоне, расследовавшему коррупцию в высших государственных учреждениях, срочно потребовалась его помощь. Как специальный прокурор пришел к выводу, что ему необходим именно Мак, осталось загадкой. Но, возможно, ему намекнул об этом один из его частных клиентов, президент корпорации, тесно связанной с империей Креншоу.

Во время работы для специального прокурора Мак встретился с сенатором Фаррадеем, председателем подкомиссии Сената, перед которой отчитывались прокурор и его сотрудники. Некоторые заседания транслировались по телевидению, и Фаррадей, которого до того знали лишь в своем штате, начал приобретать общенациональную известность. О

нем заговорили как о возможном кандидате в президенты.

Однажды Росс Креншоу пригласил сына на конфиденциальный разговор.

— Следующим летом, на партийном съезде, мы собираемся поддержать кандидатуру Фаррадея,— сказал Росс Креншоу.— Полагаю, тебе следует оставить работу у специального прокурора и предложить свои услуги Фаррадею.

— А он меня возьмет? — засомневался Мак.

— О, он тебя возьмет,— старший Креншоу сухо улыбнулся.— Ты будешь с ним во время праймериз, первичных выборов. Ты должен наладить контакты и приобрести друзей по всей стране — не для Фаррадея, для себя. Через восемь лет придет твоя очередь. Сначала первичные выборы пройдут в Новой Англии. Уж там-то у тебя достаточно друзей.

Так Росс Креншоу послал своего золотого мальчика навстречу смерти, туда, где у Мака было много друзей... И по меньшей мере один смертельный враг.

Первые праймериз должны были состояться в штате, где выходила только одна дневная газета, «Кэпител курьер», владельцем и издателем которой был Лестер Оуэн, приобретший репутацию разрушителя политических карьер. Многие расстались с честолюбивыми замыслами после первичных выборов в штате Оуэна: Лестеру нравился вкус крови.

В канун рождества Лестер Оуэн отправился в Бостон и, как будто случайно, наткнулся в баре на журналиста Джека Мерфи. Джеку Мерфи, седовласому ирландцу с живыми голубыми глазками, шел седьмой десяток. Багровые щеки говорили о том, что Джек знал толк в виски. Из-за пристрастия к спиртному его частенько выгоняли с работы, впрочем, не сразу, так как Мерфи сочетал в себе проницательность репортера и талант писателя. Когда-то, лет двадцать назад, Джек сотрудничал и в «Кэпител курьер», но потерял работу по уже упомянутой причине. Говорили, что Лестер Оуэн не поленился лично вышвырнуть Мерфи из редакции. И вот двадцать лет спустя он подошел к Мерфи и, похлопав его по плечу, воскликнул:

— Давно не видел тебя, дружище Джек! Хочешь виски?

Мерфи кивнул: он не привык отказываться от спиртного.

— Хочешь провернуть одно дельце?

— За деньги,— Мерфи глотнул виски и улыбнулся.— Ты уже подобрал очередную жертву?

— Я не желаю, чтобы сенатор Фаррадей возглавил гонку.

— С этим парнем трудно справиться. Что у тебя есть на него?

— Если бы у меня что-нибудь было, я бы не разговаривал с тобой, дружище Джек.

— Ходят слухи, что его поддерживают Креншоу. Можно нарваться на неприятности. Но тебе действительно хочется зацепить его, Лестер. Иначе ты бы не пришел ко мне.

Мерфи начал понимать, в чем дело. Год назад сенатор от штата, в котором жил и работал Оуэн, предстал перед комиссией Фаррадея, и специальный прокурор доказал его виновность во взяточничестве и финансовых злоупотреблениях. Сенатору Мартину Клиари удалось избежать тюрьмы, но на следующий срок его не переизбрали. А Оуэн питал слабость к Клиари и решил отомстить Фаррадею.

Мерфи с сомнением смотрел на бокал. Может быть, не стоит? Ему не хотелось попасть под колеса Креншоу.

Глаза Оуэна превратились в щелочки.

— Ты, возможно, и пьяница, дружище Джек, но всегда умел сложить два и два.

Мерфи глотнул виски. Какая разница? Одна мясорубка или другая?

— А что ты от меня хочешь?

— Авангард армии Фаррадея через пару недель двинется на мою территорию. Он сам не покажется до последнего момента. Но его любимчик, знаменитый Мак Креншоу, примчится одним из первых. Очаровашка! Герой! Я хочу пригвоздить Креншоу к стенке до того, как на сцене появится Фаррадей. Взгляни на него, Мерфи. Спортивная звезда, участник войны, очаровательная жена. Его все обожают, но в глубине души смертельно ненавидят, потому что завидуют. Если мы что-нибудь найдем, дружище Джек, Мак пойдет на дно, утянув за собой Фаррадея. И с ним будет покончено до начала выборов.

— Я не хочу ничего выдумывать, Лестер. Я поищу, но смогу сообщить тебе только достоверные данные... Но почему я? — поинтересовался Мерфи.— Ты же специально искал меня, а, Лестер?

— Все знают, что я дал тебе пинка в офисе «Курьера», дружище Джек. Они уверены, что я никогда не найму тебя, и, вероятно, думают, что ты наверняка не станешь на меня работать. Они не представляют, какая у тебя жажда, дружище Джек.

— Сукин ты сын,— процедил Мерфи.

Оуэн широко улыбнулся. Он уже получил, что́ хотел, и слова теперь не имели значения.

Вот почему в момент выстрела Джек Мерфи стоял неподалеку от Мака Креншоу.

Представить, что именно произошло в тот день, было нетрудно, достаточно просмотреть видеозапись: телекамеры сопровождали Мака и его свиту до самого аэропорта. Но сам момент покушения не нашел полного отражения на пленке. Одна камера крупным планом показывала улыбающееся лицо Мака: он пожимал протянутые руки. Затем послышался звук выстрела и испуганный крик комментатора: «О, боже!»,— и камера ушла в сторону. Вторая камера показывала публику, плотными рядами стоявшую вдоль Главной улицы. Все улыбались, приветствуя своего кумира. К несчастью, убийца не попал в поле зрения. А когда послышался звук выстрела, изображение метнулось, так как оператор направил камеру на центр событий. Затем раздался профессиональный голос комментатора: «Кто-то, кажется женщина, застрелил Мака Креншоу. Леди и джентльмены, как вы все можете видеть, выстрел снес у Мака полголовы. Ужасное убийство. Конечно, у Креншоу нет шансов остаться в живых... Кто-то из сопровождения Мака набросился на убийцу и бьет ее или его рукояткой пистолета. Человека Креншоу оттаскивают от убийцы. Неясно, мужчина это или женщина, потому что он или она в лыжном костюме, а волосы убраны под капюшон. Вероятно, это женщина, судя по крику, который она издала, когда на нее набросился... Что вы сказали?.. Леди и джентльмены, местный журналист сообщил мне, что человек, бросившийся на убийцу, младший брат Мака, Уильям Креншоу. И это женщина! Да, женщина. Какое страшное, кровавое завершение, казалось, так счастливо начавшегося дня!»

Дэвид Коттер просмотрел хронику через два дня после убийства. Личность убийцы до сих пор не установили.

— Согласно медицинскому заключению,— сказал Коттеру капитан Шейн, начальник полиции,— ей восемнадцать-девятнадцать лет. Хозяин маленького кафе на Главной улице показал, что девушка сидела там до того, как приземлился самолет Креншоу. Она была одна, пила кофе. Хозяин запомнил ее по меховой муфте.

— Отпечатки пальцев? — спросил Коттер.

— У нас ничего. Мы сделали запрос в ФБР, в Вашингтон, но пока результатов нет.

— Уильям Креншоу действительно убил ее?

Шейн кивнул.

— Он стоял за спиной брата. Мак обменивался рукопожатием с каждым, кто стоял вдоль тротуара. Эта девушка вытащила пистолет из муфты, и Мак Креншоу не успел его заметить. Пистолет увидел Билл, но опоздал. Девушка нажала на курок и закричала: «Перестань отравлять мир!» Билл опрокинул девушку на землю, вырвал пистолет и тут взглянул на брата. Увидев его изувеченное лицо, он обезумел от горя и ярости и начал бить ее по голове рукояткой пистолета. Билл превратил лицо девушки в кровавое месиво.

— Ему предъявлено обвинение?

— О господи, конечно, нет. Что бы вы сделали на его месте, мистер Коттер?

Глава 2

Через некоторое время после убийства Джек Мерфи вошел в бар «Хантерс лодж» и протянул Уоррену Хантеру, своему старому другу, две сотни долларов наличными.

— Я собираюсь напиться,— сказал Мерфи.— Наливай, пока хватит денег.

Хантер не стал спрашивать, в чем дело. Весь Брунсвилл пребывал в шоковом состоянии. В баре только и говорили что о случившемся. Никто не сомневался, что через часдругой полиция или ФБР выяснят личность убийцы. Но этого не произошло. Во-первых, никто не знал, как она выглядела: Билл Креншоу до неузнаваемости изувечил ее лицо. Полицейский художник попытался набросать портрет девушки со слов хозяина кафе, но хотя рисунок воспроизвели многие газеты страны, никто ничего полиции не сообщил.

Вечером, закрыв бар, Уоррен Хантер отвел Мерфи на второй этаж, в комнату для гостей. Наутро Мерфи, подтянутый и чисто выбритый, появился в баре сразу после открытия. Как и накануне, он принялся глушить виски: мысль о том, что является соучастником убийства, не оставляла его. Ни на мгновение Мерфи не сомневался, что за всем этим стоит Лестер Оуэн. А он, Мерфи, продал себя Оуэну и поэтому морально также виновен. Но у него не хватало духу пойти признаться в том, для чего его нанял Оуэн: а именно — покопаться в грязном белье Мака Креншоу.

Где-то около полудня в «Хантерс лодж» вошел незнакомец и направился прямо к бару. Сев рядом с Мерфи, незнакомец достал из кармана утренний выпуск «Кэпител курьер» и раскрыл газету на первой странице. В глаза сразу бросился огромный заголовок: «КУРЬЕР» ПРЕДЛАГАЕТ 10 000 ДОЛЛАРОВ ЗА ОПОЗНАНИЕ УБИЙЦЫ КРЕНШОУ!»

Увидев эти слова, Мерфи безрадостно рассмеялся. Незнакомец удивленно посмотрел на репортера. Какой приятный молодой человек, подумал Мерфи: семидесятилетнему Джеку сорок девять лет казались молодостью.

— Сегодня я первый раз слышу смех.— Дрожащим пальцем Мерфи ткнул в газетный заголовок:

— Вы когда-нибудь слышали о Лестере Оуэне?

— Джек — потрошитель наших политиков? — улыбнулся незнакомец.

— Он хотел добраться до Креншоу, чтобы свалить Фаррадея. Я это знаю, потому что он нанял меня, чтобы ему помочь. А теперь он прикрывает себя, обещая награду. Вот в чем заключается шутка, мистер...

— Коттер. Дело в том, что я друг сенатора Фаррадея и поэтому приехал сюда. Вы думаете, Оуэн замешан в убийстве?

— А кто еще?—Голос Мерфи дрогнул.— Ладно, пусть это самоубийство, но все же лучше, чем угрызения совести. Креншоу был любимцем публики. Он выиграл бы первичные выборы для Фаррадея, даже если бы тот и не появился здесь. Креншоу следовало остановить. А я... Ну, я, получается, участвовал в заговоре.

— Вы нашли что-нибудь компрометирующее?

— Нет. Поэтому Оуэн и решился на крайнее средство.

Коттер, слегка нахмурившись, смотрел на бутылку пива.

— Я в это не верю,— наконец сказал он.— Мне кажется, вы недостаточно все обдумали. Скандальные сведения о Креншоу, безусловно, повредили бы сенатору. Но убийство Креншоу перед телекамерами, которое видела вся страна, гарантирует Фаррадею победу в праймериз. Оуэн никогда бы не пошел на это. Потому что теперь он проиграл, не начав бороться.— Коттер улыбнулся.— Думаю, мистер Мерфи, ваша совесть может спокойно спать.

Дэвид Коттер познакомился с сенатором Фаррадеем в сорок пятом году. Генерал Фаррадей спас жизнь девятнадцатилетнему рядовому Дэвиду Коттеру, водителю его «джипа». Их машина подорвалась на мине и загорелась. Генерала отбросило метров на пять, а тяжелораненого Коттера зажало в обломках. Фаррадей вернулся к «джипу», вытащил из него своего водителя и оттащил в безопасное место. Фаррадей и в дальнейшем не забыл своего крестника. Он часто навещал его в госпитале, не расстались они и после войны, когда генерал и рядовой вернулись домой. У Коттера не было семьи, и по предложению Фаррадея он поселился в доме генерала. Фаррадей также настоял, чтобы Коттер продолжил обучение в колледже. Сам генерал переключился на политику, и через два года его избрали в Сенат Соединенных Штатов.

Как политика, сенатора Фаррадея больше всего беспокоил рост могущества транснациональных монополий. И Дэвид оказался во главе группы сотрудников сенатора, занимающейся контролем их деятельности. Через несколько лет Коттер открыл собственную фирму. Она могла бы называться «промышленный шпионаж», но над дверью офиса висела табличка с респектабельной надписью «Дэвид Коттер ассошиэйтс». Дело оказалось очень прибыльным. Время от времени Коттер сообщал своему благодетелю важную информацию, и дружба между ними крепла год от года.

Прошло тридцать лет с того дня, как генерал Фаррадей вытащил рядового Коттера из горящего «джипа». И вот теперь генерал, вернее, сенатор, потребовал вернуть долг.

— Почему сенатор не предложил награду? — спросил Оуэн.

— Вместо этого он прислал меня,— улыбнулся Коттер. Они сидели в кабинете издателя «Кэпител курьер».

Оуэн презрительно хмыкнул.

— Вы что же, умнее полиции, ФБР и ЦРУ? Какая ерунда.

— В меня встроена уникальная радарная система, показывающая, где надо искать,— улыбка Коттера стала еще шире.— Главное, определить, с чего начинать.— Коттер набил трубку.— Для этого и служит моя радарная система. Например, некий очень пьяный и не менее совестливый журналист намекнул, что начинать надо здесь.

— Джек Мерфи!

Коттер неторопливо раскурил трубку.

— Видите ли, мистер Оуэн, я объяснил Мерфи, что вы меньше всего на свете хотели бы смерти Креншоу. А мне необходима ваша помощь.

— Моя? — рассмеялся Оуэн.

— Да, и я ее получу.— Улыбка сползла с лица детектива.— Потому что вы, Оуэн, горите синим пламенем. Сенатор не дурак. Что бы вы о нем ни думали, надо признать, он опытный политик. Он знал, что ему придется бороться с вами, и принял соответствующие меры.

— Какие же именно?

— Секреты жизни Лестера Оуэна,— зажав трубку в зубах, Коттер начал загибать пальцы.— Незаконные пожертвования во время последней президентской кампании. Использование «Курьера» как орудия травли молодого прокурора, возбудившего уголовное дело против вашего друга, губернатора этого штата, который был подставным лицом подпольных игорных синдикатов.

— И это все, что у вас есть, Коттер? — Оуэн покачал головой.— За незаконные пожертвования я заплатил штраф, и дело давно закрыто. А губернатора я защищал, потому что не сомневаюсь в его невиновности.

Коттер откинулся на спинку стула и с интересом разглядывал потолок.

— Один молодой человек некоторое время работал в «Курьере» репортером. Пауль Уилсон. Он написал о вас книгу.

— Лживую и полную клеветы. Он не смог найти издателя.

— Пока он не нашел издателя,— согласился Коттер,— но книгой заинтересовался один читатель. Сенатор Фаррадей. По его поручению несколько частных детективов расследовали каждое обвинение Уилсона. Я не буду перечислять все подряд, но одно особенно заинтересовало меня. В Брунсвилле была некая домохозяйка, чей муж попал в неприятную историю. Вы намекнули, что, если его жена не будет к вам более чем благосклонна, он получит пятнадцать лет тюрьмы. Она согласилась, во всяком случае, сказала, что согласна. Но по дороге к вам она прыгнула с моста в реку и утонула.

— Это Элла Марстон.— Голос Оуэна дрогнул.— Но остальное чистая ложь. Марстоны мои друзья. У Фреда очень хорошая работа в администрации штата.

— Элла Марстон любила мужа, но понимала, что не вынесет позора. И написала письмо подруге.

Оуэн выпрямился в кресле.

— Какой подруге?

— О, этого я не могу сказать вам, Оуэн. А то с ней произойдет несчастный случай. Но, уверяю вас, теперь это бесполезно. У подруги больше нет письма. Оно в надежных руках и при случае будет использовано.

— Я не верю ни единому слову. Ни про подругу, ни про письмо. Элла Марстон умерла два года назад. Почему подруга до сих пор не использовала письмо?

— Элла Марстон попросила подругу хранить письмо, пока муж Эллы в безопасности и на хорошей работе. Если карьере мужа будет что-то угрожать, подруга должна была передать письмо в соответствующие инстанции. Письмо, по существу, являлось страховым полисом Фреда Марстона.

На лбу Оуэна выступили капельки пота.

— Чего вы от меня хотите?

— Я же сказал: помощи.

— Какой именно? Во всей этой истории нет и слова правды, но... если эта сумасшедшая написала такое письмо, разразится крупный скандал.

— Вы хотели опорочить Мака Креншоу и наняли Джека Мерфи. Полагаю, не его одного. Я хочу знать, что вы выяснили, и понять, кем могла быть девушка, убившая Мака. Мне нужен человек, стоящий за этим выстрелом. Выборы оказались отличным прикрытием. Что это? Семейная проблема? Политика? Месть кого-то, обвиненного комиссией Фаррадея?

— Я ничего не знаю,— настаивал Оуэн.— Эта девка сумасшедшая. «Перестань отравлять мир!»

Коттер выбил трубку.

— Даю вам двадцать четыре часа. После этого я начну рассказывать правду о жизни Лестера Оуэна.

Женщине было чуть больше тридцати. Чуть выше среднего роста, стройная, волосы медного цвета, одета просто и со вкусом, что стоит недешево. На столе табличка с надписью «М. Брэнсон».

— Прошу извинить меня за визит в столь тяжелое для вас время, мисс Брэнсон,— сказал Коттер.

— Тут уж ничего не поделаешь,— вздохнула она.— Сенатор Фаррадей попросил оказать вам всяческое содействие.

Коттер взглянул в окно на купол Капитолия: унылый, холодный Вашингтон.

Из аэропорта Коттер поехал к сенатору.

— Если девушку, убившую Креншоу, не удастся опознать,— сказал он,— предстоит долгий путь. Полиция штата и ФБР гораздо лучше подготовлены для подобного расследования. Впрочем, я нашел человека в Брунсвилле, который будет держать меня в курсе. Старый журналист по имени Мерфи. Но главное для меня: определить, с чего начинать. Например, с офиса специального прокурора. Собирался ли Мак прижать кого-то к стенке? Мог ли это быть соперник его отца? У Росса Креншоу много врагов.

Фаррадей посмотрел на лежащие перед ним бумаги.

— Если бы я собирался писать биографию Мака Креншоу,— сказал он,— то в первую очередь обратился бы к Маргарет Брэнсон, его секретарю. Мак говорил, что шага не может ступить без Маргарет. Привлекательная женщина, знающая каждый закоулок его карьеры. Магги может рассказать о Маке все. Если захочет. Она не скажет ничего из того, что Мак не хотел бы предать гласности. Но она, как и мы, жаждет мести. Я позвоню Магги и охарактеризую тебя с самой лучшей стороны...

— Сенатор сказал, что я могу вам доверять, мистер Коттер.

— Я бы не хотел копаться в делах усопшего, мисс Брэнсон, но, возможно, удастся найти что-то особенное, с чего можно начать расследование. Сенатор Фаррадей полагает, что вы и семья Мака скорее согласитесь поговорить со мной, частным лицом, которое находится на вашей стороне, чем с ФБР или даже со специальным прокурором. У меня нет повода разглашать сведения, касающиеся личной жизни Мака. Но чем больше я узнаю о нем, тем скорее я смогу двинуться в нужном направлении.

— А что вы делаете? И кого ищете? — спросила она.

— Сенатор попросил меня найти человека, стоящего за этим выстрелом.

— Он не верит в молодую фанатичку, одурманенную наркотиками?

— Ни он, ни я.

— Ни я,— помолчав, добавила мисс Брэнсон.

Коттер ждал. Он понимал, Магги старается решить, что же ей делать. Молчать или говорить?

— Логичнее всего начать с его работы у специального прокурора,— прервал паузу Коттер.— Мак вскрывал злоупотребления, а в высших кругах есть такие, кто пойдет на все, чтобы избежать разоблачения.

— Даже на убийство? — спросила она.

— Политические убийства — часть нашей сегодняшней жизни. Братья Кеннеди застрелены какими-то психами, Мартин Лютер Кинг — тоже, покушение на президента Форда, совершенное женщиной-неврастеничкой... Личность убийцы не вызывает сомнений, но каждый раз мы испытываем неудовлетворенность от того, что заговор, результатом которого стал роковой выстрел, остается нераскрытым. Убийство Креншоу — классический пример политического убийства. Так вот, сенатор уверен, и я с ним полностью согласен, что эта девушка — лишь пешка в очень сложной игре.

Маргарет Брэнсон с облегчением вздохнула.

— Я рада, что кто-то, наконец, сказал эти слова.

— У вас есть предположения?

— Нет, пока нет.— Она пристально посмотрела на Коттера.— Чтобы в чем-нибудь разобраться, нам потребуется много времени. Значит, надо встретиться вечером. Давайте пообедаем вместе у меня дома. Но сначала пусть сенатор свяжется со специальным прокурором Максом Ларкиным и объяснит, кто вы такой и что вы хотите, а затем попросит его перезвонить мне и дать разрешение говорить с вами. Или, по меньшей мере, сказать, о чем не надо говорить. В Вашингтоне слишком часты случаи утечки информации...

Продолжение следует

Сокращенный перевод с английского В. ВЕБЕРА
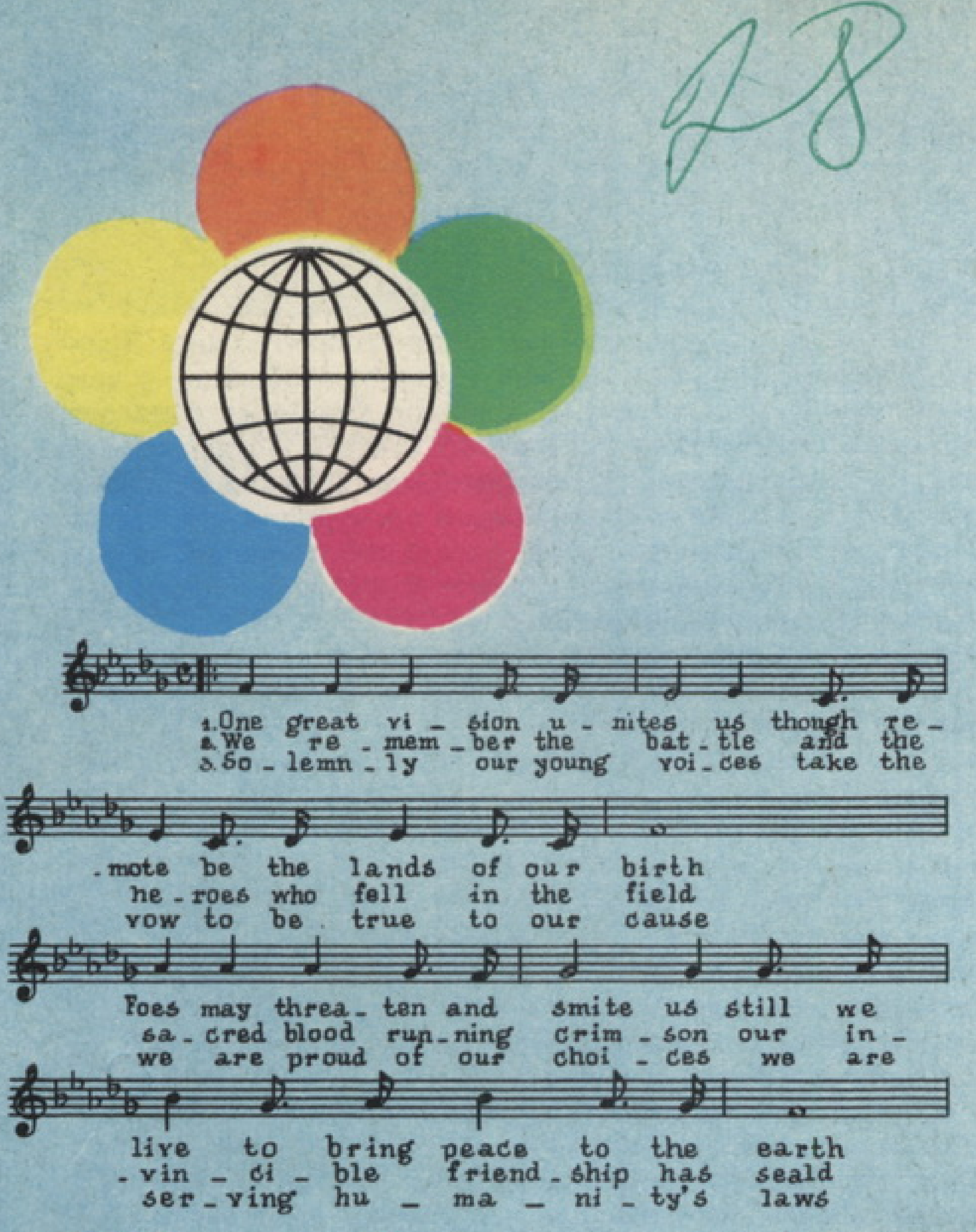
В НОМЕРЕ:

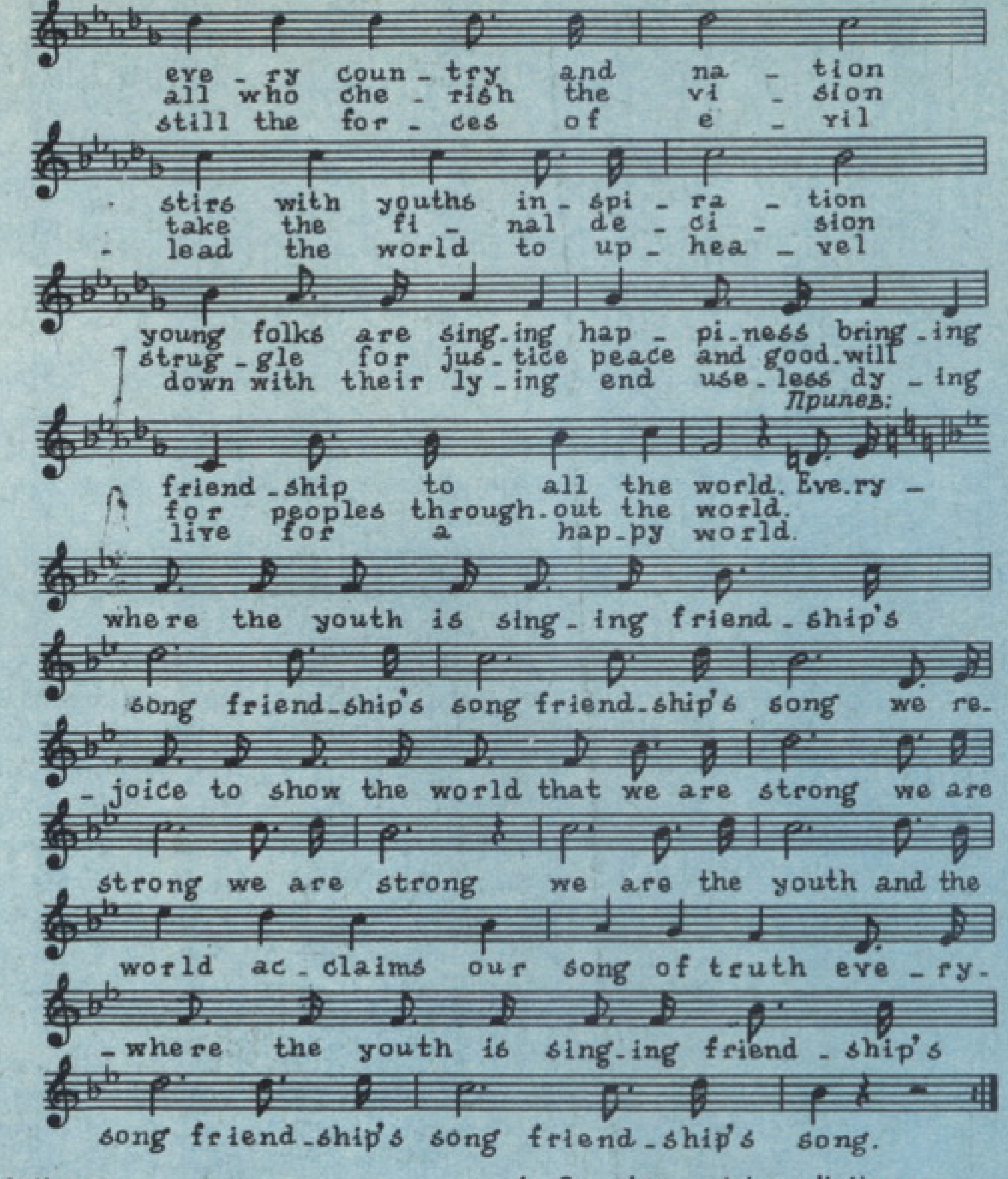
На первой странице обложки: сорок лет на границе тишина. И эта тишина особенная. Она знак мира на нашей земле. Молодые советские воины-пограничники сегодня зорко охраняют рубежи Родины.

Фото Е. СТЕЦКО

Художественный редактор Е. А. Гричук
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор А. Т. Бугрова
Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-78. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 14.03.84. Подп. к печ. 16.04.84. А00685. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,4. Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 1 100 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 428. Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

1. Fréres du vaste monde,
Nous portons même espoir en nos coeurs,
Dans l'orage qui gronde
Nous voulons lutter pour le bonheur!
Par les monts et les plaines,
Par les rives lointaines,
Jeunes du monde,
Luttons ensemble!
Tous dans nos rangs, les Jeunes!

Припев:
Nous voulons chasser la haine
pour toujours,
Pour toujours, pour toujours!
Et bannir la peur,
la guerre sans retour,
Sans retour, sans retour!
Oui, nous allons
Donner aux peuples le bonheur!
Et bannir la peur,
la guerre sans retour,
Sans retour, sans retour!

2. De l'horrible hécatombe
Qui de nous n'a gardé souvenir?
Nos chers morts, de leurs tombes,
Nous conjurent de tous nous unir.
Contre la guerre affreuse,
Pour une paix heureuse,
Jeunes du monde,
Luttons ensemble!
Tous dans nos rangs, les Jeunes!

Припев.

3. Jeunes á l'âme virile,
Du serment les mots sonnent en nos coeurs!
De nos bras juvéniles,
Nous portons le drapeau du bonheur!
Pour que jamais la guerre
Ne ravage la terre,
Jeunes du monde,
Luttons ensemble!
Tous dans nos rangs, les Jeunes!

Припев.

1. Jugend aller Nationen,
Uns vereint gleicher Sinn, gleicher Mut!
Wo auch immer wir wohnen,
Unser Glück auf dem Frieden beruht.
In den düsteren Jahren
Haben wir es erfahren:
Arm ward das Leben,
Wir aber geben
Hoffnung der müden Welt!

Припев:
Unser Lied die Ländergrenzen überfliegt,
Freundschaft siegt! Freundschaft siegt!
Über Klüfte, die des Krieges Hader schuf,
Springt der Ruf, springt der Ruf:
Freund, reih dich ein,
Dass vom Grauen wir die Welt befrei'n!
Unser Lied die Ozeane überfliegt,
Freundschaft siegt! Freundschaft siegt!

2. Schmerzhaft brennen die Wunden,
Weil der Hass neuen Brand schon entfacht.
Denn wir haben empfunden:
Bittres Leid hat der Krieg uns gebracht.
Junger Kraft wird gelingen,
Not und Furcht zu bezwingen.
Licht soll es werden,
Ringsum auf Erden!
Zukunft, wir grüssen dich!

Припев.

3. Unsre Herzen erglühen
Und den Schwur wiederholt jeder Mund:
Rastlos woll'n wir uns mühen,
Dass kein Feind mehr zerschlägt unsern Bund.
Brüderliche Gedanken
Überwinden die Schranken
Reicht euch die Hände,
Nun sich vollende:
Glück der Gemeinsamkeit!

Припев.

1. Son las patrias distinas,
mas nos une la misma ilusión.
En los años inquietos,
por la dicha a luchar con tesón.
En distinos lugares,
en océanos y mares,
quien sea joven
denos la mano,
nuestras filas llenad.

Припев:
Canta un himno a la amistad la juventud,
juventud, juventud.
Este canto no se puede ahogar
ni matar, ni matar.
Hoy ya es clamor
el gran himno de la juventud.
Este canto no se puede ahogar
ni matar, ni matar.

2. No olvidamos la guerra
ni al que en ella valiente cayó.
Sanqre roja y ardiente
sellará nuestra firme amistad.
Toda la gente honrada
debe ir con nosotros.
En nuestras manos
la alegría
de los pueblos está.

Припев.

3. Son palabras sagradas
las que brotan en el corazón.
Por los justos derechos
levantemos nuestro pabellón.
De nuevo fuerzas negras
cavan fosas profundas.
Quien sea honrado
en pie con nosotros
contra la guerra cruel.

Припев.

Индекс 70781
Цена 35 коп.